вып 19 (69)
вып 20 (70)

ДЕМОНСТР. НА
КАЗ ПЛОЩАДИ.

КЛЕМЕНС

А 257/114

Политич., историч. и популярно-научная „БИБЛІОТЕКА для САМОРАЗВИТІЯ“.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Выпускъ 19-й.

Демонстрація на Казанской площади.

—

Процессъ «50-ти» и «193-хъ».

Выпускъ 20-й.

Клемежсъ.—
Кравчижскій (Степнякъ).—
Рогачевъ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

А 257/114
ф 1-73/16457

Демонстрація на Казанской площади.

Процессъ «50-ти» и «193-хъ».

Вып 19(69)

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
подъ редакціей
С. М. Проппера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 46
1907.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

2007237420

1055

I.

Дѣло о демонстраціи на Казанской площади. — Арестъ Боголюбова. — Яковъ Потаповъ. — Обвиняемые и обвиненіе. — Изъ рѣчи прокурора. — Приговоръ сената. — Значеніе демонстраціи въ исторіи революціоннаго движенія.

Рядъ большихъ политическихъ процессовъ 1877—8 года. открывается дѣломъ «о преступной демонстраціи, бывшей на Казанской площади въ С.-Петербургѣ, 6-го декабря 1876 г.». Оно разсматривалось особымъ присутствіемъ правительствующаго сената съ 18-го по 25-е января. Насколько власти медлили съ преданіемъ суду пропагандистовъ, томившихся по тюрьмамъ въ теченіе свыше 4-хъ лѣтъ, настолько судъ надъ демонстрантами былъ произведенъ съ необыкновенною поспѣшностью. По этому дѣлу не производилось предварительное слѣдствіе, и матеріаломъ для составленія обвинительнаго акта послужило полицейское дознаніе. Обвинительный актъ былъ врученъ подсудимымъ уже 7 января, то-есть всего только мѣсяцъ спустя, послѣ демонстраціи.

Предсѣдательствовалъ по этому дѣлу сенаторъ К. К. Потерсъ, въ составъ присутствія входили сенаторы: М. Н. Похвисневъ, К. К. Ренненкампфъ, Д. Д. Неелов, Н. О. Тизенгаузенъ и Б. Н. Хвостовъ, и сословные представители: черниговскій губернскій предводитель дворянства Н. И. Неплюевъ, вышневолоцкій уѣздный Н. И. Сназинъ-Тормасовъ, псковскій городской голова Суттофъ и волостной старшина. Обвинялъ товарищъ прокурора петербургской палаты К. И. Поскочинъ. Защищали подсудимыхъ присяжные повѣренные: Архангельскій, Бардовскій, Буйми-

стровъ, Гантоверъ, Знамеровскій, Камїонко, Неклюдовъ, Ольхинъ, Полуянскій, Турчаниновъ и пом. прис. пов. Граціанскій.

Обстоятельства этого дѣла слѣдующія:

6-го декабря 1876 г., въ понедѣльникъ, Казанскій соборъ былъ переполненъ молящимися, среди которыхъ обращала на себя вниманіе группа учащейся молодежи, державшейся вполнѣ непринужденно, шептавшейся, переходившей съ мѣста на мѣсто и т. д.

Послѣ общаго молебна церковь значительно опустѣла, такъ какъ публика начала выходить понемногу по окончаніи литургіи, и въ храмѣ оставалась почти только одна молодежь, въ количествѣ 150 человѣкъ. Городовой Есипенко, находившійся въ соборѣ, подозрѣвалъ, что затѣвается какой-то безпорядокъ, и даже рѣшилъ отправиться съ докладомъ по этому поводу къ приставу, но толпа, хлынувшая къ выходу скученною массою, оттѣснила его отъ двери. Есипенко могъ выбраться изъ собора только вслѣдъ за толпой, послѣ чего побѣжалъ дать знать о происходившемъ въ 1-й участокъ Казанской части.

Между тѣмъ, толпа молодежи вышла на площадь передъ соборомъ. Какой-то молодой человѣкъ, высокаго роста блондинъ, сталъ говорить рѣчь о бѣдственномъ положеніи народа, у котораго для взысканія податей продаютъ послѣднюю корову, о гнетѣ и несправедливости правительства, о ссылкѣ лучшихъ русскихъ людей, каковы Долгушинъ, Нечаевъ, Чернышевскій и др. Рѣчь была покрыта апплодисментами и криками: «Браво! Браво!» Одновременно кто-то выбросилъ красный флагъ съ надписью «Земля и Воля», но, такъ какъ онъ былъ не на древкѣ, то молодые люди подняли и подбрасывали небольшого роста парня, въ полушубкѣ, который, взлетая на воздухъ, держалъ флагъ развернутымъ въ обѣихъ

рукахъ. Все это сопровождалось криками «ура» и бросаніемъ на воздухъ шапокъ.

Прибывшій въ это время на площадь чиновникъ полиціи Васильевъ бросился прямо въ толпу и хотѣлъ схватить флагъ, но былъ сбитъ сильнымъ ударомъ въ голову и упалъ на землю, гдѣ его топтали ногами. Такой же пріемъ встрѣтилъ и околодочный надзиратель Успенскій, бросившійся на помощь Васильеву. Толпа съ криками: «Братцы! плотнѣе! не расходитесь! Кто подойдетъ, тотъ уйдетъ безъ головы!», двинулась впередъ по направленію къ памятнику Кутузова. Во главѣ толпы шла молодая женщина, съ распустившимися косами, кричавшая: «Впередъ! за мною!»

Толпа прослѣдовала до угла Невскаго и Казанской площади, гдѣ разсѣялась. Городовые подъ руководствомъ Успенскаго и Васильева, при участіи добровольцевъ изъ публики, стали задерживать руководителей демонстраціи, которые, съ своей стороны, отбивались изо всѣхъ силъ. Многіе городовые и ихъ помощники изъ добровольцевъ были избиты, на многихъ было изорвано платье.

Изъ числа молодыхъ людей, сопротивлявшихся особенно упорно, обратилъ на себя вниманіе Боголюбовъ, дравшійся и на площади, и по дорогѣ въ участокъ. Онъ не хотѣлъ позволить въ участкѣ обыскать себя и, когда его хотѣли обыскать силою, онъ выхватилъ висѣвшій у него на тесьмѣ подъ платьемъ заряженный револьверъ, взвелъ курокъ и направилъ дуло въ упоръ на сторожа Клибика, но тотъ успѣлъ отвести револьверъ въ сторону и вырвать барабанъ съ патронами, разсыпавшимися по полу. Спущеннымъ Боголюбовымъ куркомъ прищемило Клибику палецъ, и этому онъ былъ обязанъ жизнью. Палецъ, разсѣченный и прижатый къ патрону предотвратилъ выстрѣлъ.

Въ участкѣ, между дверями, былъ найденъ другой карманный заряженный револьверъ, брошенный, очевидно, кѣмъ-то изъ задержанныхъ. На Малой Конюшенной былъ найденъ чугунный наручникъ, брошенный, очевидно, тоже однимъ изъ участниковъ демонстраціи.

Одинъ свидѣтель происшествія на Казанской площади, нѣкій Абрамовъ, замѣтилъ, что парень въ полушубкѣ, котораго толпа поднимала со знаменемъ въ рукахъ, когда началась свалка, ретировался и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей. направился на Большую Садовую, гдѣ разстался со своими товарищами. Они направились дальше по Садовой, парень же въ нагольномъ полушубкѣ пошелъ спокойно по направленію къ Публичной Библіотекѣ. Тутъ Абрамовъ при содѣйствіи городового задержалъ его и отправилъ въ полицію, а оттуда въ жандармское управленіе, гдѣ при обыскѣ въ карманѣ молодого человѣка былъ найденъ красный кумачевый флагъ съ вышитыми на немъ бѣлыми шелковыми шнурами словами: «Земля и Воля».

При доставкѣ въ жандармское отдѣленіе, задержанный кричалъ: «Да здравствуетъ свобода!»

Парень оказался крестьяниномъ Тверской губ., Яковымъ Потаповымъ. Его родственники, рабочіе фабрики Тортона, объяснили, что и Потаповъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ работалъ на этой фабрикѣ, гдѣ зарабатывалъ по 20—23 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1874 г., онъ безъ всякой видимой причины бросилъ фабрику и на работу больше не возвращался. По слухамъ, на Якова, работящаго и хорошаго мальчика, дурно повліяло знакомство со студентами. Изъ Петербурга онъ отправился въ Кіевъ, откуда былъ высланъ административнымъ порядкомъ на родину за участіе въ пропагандѣ. Онъ былъ присланъ туда по этапу 27-го іюня 1876 г., но скрылся изъ деревни сейчасъ же послѣ Петрова.

Что касается дѣвушки, шедшей впереди процессіи и кричавшей: «Впередъ! за мною!», то ею оказалась готовящаяся къ поступленію на женскіе медицинскіе курсы Фелиція Шефтель. Она, какъ почти и всѣ задержанные, отрицала свое участіе въ демонстраціи. Ш. утверждала, что зашла въ Казанскій соборъ случайно, посмотрѣть, какъ молятся православные. Выйдя изъ собора, она остановилась послушать, что говорятъ, и тутъ на нее напала полиція.

Во время обыска у одного изъ задержанныхъ, студента медико-хирургической академіи Александра Николаевича Бибергаля, было найдено между другими бумагами стихотвореніе, писанное рукою Бибергаля, «явно возмутительнаго» содержанія. Тамъ говорилось о рабочихъ, возвращающихся послѣ трудовъ на родину, гдѣ ожидаетъ ихъ страшная бѣдность и больныя дѣти въ отрепьяхъ. Стихотвореніе составило особый пунктъ обвиненія противъ Бибергаля.

Кто произнесъ рѣчь на Казанской площади, такъ и осталось невыясненнымъ, но теперь извѣстно, что это былъ Плехановъ.

Результатомъ демонстраціи было привлеченіе къ отвѣтственности 21 человѣка, по преимуществу учащейся молодежи. Въ частности обвинялись:

1) Студенты медико-хирургической академіи: Иванъ Антоновичъ Гервасій, Александръ Николаевичъ Бибергаль и Яковъ Ефимовичъ Гуровичъ;

студентъ института инженеровъ путей сообщенія, Василій Семеновичъ Надеждинъ;

личные почетные граждане: Архипъ Петровичъ Боголюбовъ, Евгеній Константиновичъ Бочаровъ, Михаилъ Михайловичъ Гернавскій и Григорій Игнатьевичъ Громовъ;

ученикъ императорской академіи художествъ, Илья Родіоновичъ Поповъ;

сыновья купцовъ: Николай Яковлевичъ Фалинъ и Семенъ Львовичъ Геллеръ;

мѣщане: Ефимъ Захаровичъ Новаковскій, Василій Яковлевичъ Ивановъ (онъ же Савельевъ) и Александръ Ивановичъ Морошкинъ;

крестьяне: Тверской губ., Яковъ Потаповъ, Новгородской, Василій Тимофѣевъ, и Ярославской, Матвѣй Григорьевъ;

дочь дворянина, Варвара Константиновна Ильяшенко, дочь чиновника, Лидія Васильевна Николаевская, дочь маіора, Софья Андреевна Иванова, и дочь купца, Фелиція Исааковна Шефтель.

Всѣ вышеперечисленныя лица обвинялись въ томъ, «что 6-го декабря 1876 г., по окончаніи богослуженія въ Казанскомъ соборѣ, въ который они собрались, вслѣдствіе распространившихся между ними свѣдѣній о готовившемся на это число выраженіи враждебныхъ правительству мнѣній, выйдя съ другими не разысканными лицами на площадь, образовали изъ себя толпу, слушали произносившуюся изъ среды ихъ рѣчь, направленную къ порицанію установленнаго законами государственнаго порядка и образа правленія, выражали сочувствіе этой рѣчи громкими криками и знаками одобренія, поднимали красный флагъ съ революціоннымъ воззваніемъ «Земля и Воля», а затѣмъ толпою же, получившею вслѣдствіе вышеизложеннаго характеръ явно возмутительнаго дѣйствія, двинулись отъ собора по площади, чѣмъ и сдѣлались участниками преступленія, предусмотрѣннаго 2-мъ отдѣломъ 252 ст. ул. о нак.».

2) Тѣ же лица обвинялись также и въ томъ, что оказали явное, соединенное съ насиліемъ, сопротивленіе полицейской власти, которая, съ помощью частныхъ лицъ, приступила къ задержанію ихъ.

3) Гервасій, Бибергаль, Боголюбовъ, Бочаровъ, Надеждинъ, Чернавскій и Шефтель обвинялись въ непосредственномъ нанесеніи ударовъ полиціи.

4) Боголюбовъ обвинялся, кромѣ того, въ томъ, что посягнулъ на жизнь служителя Клибика, спустивъ курокъ заряженнаго револьвера, причемъ выстрѣла не послѣдовало по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, и

5) Бибергаль въ томъ, что составилъ стихи возмутительнаго содержанія.

Приговоръ сената по дѣлу былъ очень суровъ. Не говоря о Боголюбовѣ, виновномъ все-таки въ покушеніи на убійство, онъ приговорилъ его, Бибергаля и Чернавскаго, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 л., Бочарова и Гервасія—на 10 лѣтъ, Фалина, Новаковскаго, Николаевскую, Ильяшенко, Иванову и Гуровича къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, Шефтель—въ каторжныя работы на 6 л. и 8 мѣс., Потапова, Геллера, Попова, Громова, Григорьева и Тимофѣева—въ Сибирь на поселеніе.

Сенатъ призналъ невиновными и оправданными по суду: Надеждина, Морошкина и Иванова (онъ же Савельевъ).

Самому старшему изъ обвиняемыхъ было 24 года, младшей (Шефтель)—16.

Когда обвиняемые по этому дѣлу содержались въ домѣ предварительнаго заключенія, то тамъ произошелъ инцидентъ, извѣстный подъ названіемъ боголюбовской, или треповской исторіи, но прежде, чѣмъ перейти къ нему, намъ необходимо остановиться на разсмотрѣніи порядковъ мѣстъ предварительнаго заключенія, на почвѣ которыхъ разыгрался инцидентъ.

II.

Въ Петропавловской крѣпости. — Изъ воспоминаній С. Синегуба. — Домъ предварительнаго заключенія. — Покушеніе на побѣгъ Ковалика и Войнаральскаго. — Побѣгъ Волховского. — «Клубы» и «копи». — Инцидентъ съ Треповымъ. — Боголюбовская исторія.

Аресты пропагандистовъ начались въ концѣ 1873 г. и производились почти безпрерывно до конца 1875 г., но судъ надъ ними состоялся только въ концѣ 1877 г. Такимъ образомъ, многимъ изъ нихъ пришлось провести въ одиночномъ заключеніи болѣе четырехъ лѣтъ, прежде чѣмъ предстать предъ судомъ.

Самые важные изъ пропагандистовъ, какъ кн. Кропоткинъ, Синегубъ, Сердюковъ и др., были помѣщены въ подслѣдственномъ отдѣленіи Петропавловской крѣпости. Тамъ ихъ обыскивали, раздѣвши предварительно донага, наряжали въ казенное бѣлье: рубашку, исподнее, чулки, кожаные чирки, въ сѣрый длинный больничнаго покроя халатъ, и препровождали въ одиночныя камеры. Собственная одежда уносилась въ цейхгаузъ и выдавалась при всякомъ выходѣ изъ камеры во внѣшній міръ: на прогулку, свиданіе, допросъ, но по возвращеніи въ камеру неукоснительно отбиралась и уносилась вновь въ цейхгаузъ.

Зданіе подслѣдственнаго отдѣленія было не-

высокое, двухъэтажное, построенное многоугольникомъ, внутри котораго помѣщался дворикъ съ деревьями и клумбами цвѣтовъ и съ маленькою баней для заключенныхъ посерединѣ. У стѣнъ зданія были панели, и по нимъ, а также по аллейкамъ садика возлѣ бани, ходили во время прогулки арестованные. Высокія стѣны Петропавловскихъ равелиновъ окружали зданіе.

Камеры въ подслѣдственномъ отдѣленіи были довольно большія, шаговъ десять по діагонали, и очень высокія. Изъ окопъ камеры, кромѣ бѣлой крѣпостной стѣны и клочка неба, ничего не было видно. Только въ нѣсколько камеръ верхняго этажа въ ясные дни заглядывало не надолго солнце.

Полъ камеръ былъ асфальтовый, покрытый желтой краской. Двѣ стѣны камеры были обиты кошмой, вплоть до начала потолочнаго свода, сверхъ кошмы была натянута грубая парусина, а на парусину были наклеены желтыя полосатыя обои. Стѣна, въ которой была ниша съ дверью, и стѣна съ окномъ не были обиты кошмой. Въ стѣнѣ возлѣ двери помѣщалась кнопка электрическаго звонка. Въ сплошной ординарной двери, окрашенной въ желтую краску, находилась форточка, въ квадратный футъ величиною, въ которую подавалась заключеннымъ пища и другіе предметы. Нѣсколько выше форточки было отверстіе со вставленнымъ въ него стекломъ, закрываемое изъ коридора деревянной пластинкой. Оно причиняло не мало досады заключеннымъ. Время отъ времени раздавался характерный шорохъ, пластинка приподнималась, и въ стеклышкѣ появлялись чьи-то два глаза, устремившіеся на заключеннаго, что такъ раздражало многихъ, что они плевали въ стекло, въ глаза, бросали въ дверь книгами, кричали: «пошелъ къ чорту!»

Сильно раздражали также заключенныхъ часы

Петропавловской крѣпости, вызванивающіе каждую четверть часа куранты.

Каждое утро, послѣ того, какъ одинъ изъ гарнизонныхъ солдатъ выносилъ ведро изъ-подъ умывальника и «парашу», въ камеры заходилъ смотритель подслѣдственнаго отдѣленія, подполковникъ Богородицкій, справлялся о здоровьи, спрашивалъ, не надо-ли чего-нибудь купить, такъ какъ въ крѣпости разрѣшалось покупать на свои деньги табакъ, чай, сахаръ, закуски. Затѣмъ приносили чай въ двухъ коричневыхъ глиняныхъ кружкахъ на подносикѣ, на которомъ лежали два кусочка сахару, булка, калачъ или сайка. Не имѣвшимъ собственныхъ денегъ выдавалось въ день по 11 штукъ казенныхъ папиросъ.

Кормили въ крѣпости, по свидѣтельству Синегуба, не только сытно, но даже изысканно. Разнообразіе меню было удивительное. Кормили щами, и борщами, и всякими супами, и жаркимъ, и рыбой, и дичью, и домашней птицей. На третье блюдо давали: блинчики съ вареньемъ, вафли, желе, кисель, даже компотъ изъ фруктовъ. Синегубъ пишетъ, что для него, не привыкшаго къ изысканной пищѣ, такіе обѣды казались просто роскошью.

Подавался обѣдъ въ оловянной посудѣ, съ оловянною ложкою. Ни ножей, ни вилокъ не полагалось; все твердое нарѣзывалось кусочками и въ такомъ видѣ доставлялось въ камеру. Вообще, кормежка въ крѣпости была въ то время изобильна и разнообразна, но она не избавляла отъ мучительной тоски. Весь день, кромѣ чтенія книги, нечего было дѣлать. Писать нельзя было: ни бумаги, ни чернилъ, ни карандаша имѣть не разрѣшалось. На прогулку по описанному выше дворику полагалось полчаса въ день, подъ присмотромъ трехъ человѣкъ; присяжнаго унтеръ-

офицера, гарнизоннаго солдата, стоявшаго у воротъ, и солдата изъ караула.

Смотритель отдѣленія, подполковникъ Богородицкій, былъ, повидимому, добродушный человѣкъ и къ подслѣдственнымъ относился хорошо. Впослѣдствіи его старшій сынъ устроилъ сообщеніе между террористами и волею и за это самъ попалъ въ ссылку, послѣ чего и его отецъ лишился мѣста. Подполковникъ не мѣшалъ особенно настойчиво заключеннымъ переговариваться при посредствѣ стуковъ, которое производилось чаще всего при посредствѣ такого шифра:

	1	2	3	4	5
1	а	б	в	г	д
2	е	ж	з	п	к
3	л	м	н	о	п
4	р	с	т	у	ф
5	х	ц	ч	ш	щ
6	ы	э	ю	я	

Первый ударъ означалъ строку, второй букву; вышеприведенная таблица писалась на листочкѣ папиросной бумаги, и такимъ образомъ происходили разговоры.

Въ декабрѣ 1875 г. заключенные постепенно были переведены изъ Петропавловской крѣпости въ домъ предварительнаго заключенія, такъ какъ слѣдствіе по дѣлу о пропагандѣ было передано въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора. Имъ руководилъ прокуроръ саратовской судебной палаты Жихаревъ, получившій впослѣдствіи за это дѣло званіе сенатора, при участіи своихъ помощниковъ: Шубина, Меркулова и Мясоѣдова.

Обстановка дома предварительнаго заключенія, въ сравненіи съ крѣпостью, оказалась удручающею. Камеры были маленькія, гораздо ниже, ходить по нимъ не было возможности, въ окнахъ были матовыя стекла. Кормили отвратительно,

но режимъ этого дома былъ нѣсколько мягче крѣпостного: разрѣшалось носить собственное платье и бѣлье, имѣть собственный чайникъ и стаканъ, письменныя принадлежности, собственныя книги.

Заключеннымъ разрѣшалось посѣщать церковь, гдѣ для государственныхъ преступниковъ были устроены особыя клѣтушки, изъ которыхъ они черезъ небольшое, менѣе получетверти въ квадратѣ, отверстіе съ рѣшеткою могли созерцать, что происходило въ церкви. Стѣнки клѣтушекъ были очень тонки: хорошимъ гвоздемъ ихъ можно было пробуравить, что давало возможность пришедшимъ въ церковь пошептаться другъ съ другомъ.

Среди уголовныхъ арестантовъ, развозившихъ пищу заключеннымъ, и младшихъ надзирателей оказались лица, сочувствовавшія политическимъ; они не только передавали записки изъ камеры въ камеру, но посили записки на волю. При ихъ помощи Сергѣй Коваликъ и Порфирій Войнаральскій чуть, было, не бѣжали изъ «предварилки». Это произошло такимъ образомъ:

Они подмѣтили, что третья галлерея перваго яруса «предварилки» упиралась своимъ балкономъ въ наружную стѣну, огромныя матовыя окна которой выходили на улицу. Балконъ оканчивался какъ разъ подъ однимъ изъ этихъ оконъ, запиравшимся на замокъ, ключъ отъ котораго находился всегда у дежурнаго старшаго надзирателя. По близости имѣлась площадка, на которой помѣщались столъ и стулъ старшаго дежурнаго надзирателя.

На вышеуказанное окно обратилъ вниманіе Коваликъ и сообщилъ о своемъ открытіи своему пріятелю Войнаральскому. При помощи двухъ надзирателей: Баранова и Иванова, они рѣшили осуществить слѣдующій планъ:

Требовалось, во-первыхъ, украсть у старшаго надзирателя ключъ, которымъ онъ запиралъ камеры съ государственными преступниками, снять съ него восковой слѣпокъ и заказать по немъ соотвѣтствующій ключъ. Во-вторыхъ, надо было отобрать у старшаго надзирателя еще и ключъ отъ створчатаго окна на улицу и, въ-третьихъ, надо было усыпить снотворнымъ снадобьемъ дежурныхъ надзирателей, старшаго и младшаго. Все это оборудовалъ очень ловко Барановъ. Кромѣ Ковалика и Войнаральскаго, собирались бѣжать: Волховской, Тихомировъ, Гарушинъ, Шишко и кн. Кропоткинъ.

Въ одну изъ ночей, когда на галлереяхъ дежурили Барановъ и Ивановъ, Войнаральскій отперъ поддѣлаппымъ ключемъ свою камеру, пооткрывалъ камеры товарищей, перечисленныхъ выше, и вся компанія направилась къ завѣтному окну. Его уже открыли и уже стали укрѣплять веревки изъ полосъ простыни за перила галлерін, но вдругъ старшій надзиратель, Ефимовъ, угощенный снотворнымъ снадобіемъ, спавшій на своей площадкѣ, неожиданно проснулся. Бѣглецамъ, при помощи Баранова и Иванова, удалось кое-какъ урезонить его не поднимать тревоги, причемъ за молчаніе ему было обѣщано 500 руб., но дѣло сорвалось. Всѣ бѣглецы должны были возвратиться въ свои камеры, и Ефимовъ собственноручно заперъ ихъ, но почему-то позабылъ отобрать поддѣльный ключъ. Вскорѣ онъ получилъ отъ жены Войнаральскаго 500 руб. и уволился отъ службы въ домѣ предварительнаго заключенія.

Вскорѣ ушелъ со службы и Ивановъ, но Барановъ оставался на службѣ и въ одну ночь вновь усыпилъ старшаго надзирателя и отперъ завѣтное окно. Войнаральскій, у котораго оставался его поддѣльный ключъ, отперъ свою камеру и

выпустилъ на галлерею Ковалика. Они благополучно пробрались къ окну, и Коваликъ уже спустился на панель улицы, зашелъ за уголъ и сталъ поджидать товарища.

Спустился и Войнаральскій, но въ тотъ моментъ, когда его фигура скользнула по веревкѣ вдоль стѣны, изъ-за угла выѣхала извозчичья пролетка, на которой ѣхалъ съ вечеринки подвыпившій офицеръ Чечулинъ. Онъ поднялъ тревогу и сталъ звать городового. Войнаральскій прыгнулъ съ полуторасаженной высоты на панель и повредилъ себѣ ногу. Тѣмъ не менѣе, онъ соединился съ Коваликомъ, и оба они бросились бѣжать, но были настигнуты городовыми. Чечулинъ, къ своему ужасу, въ одномъ изъ бѣглецовъ узналъ Войнаральскаго, съ которымъ былъ знакомъ и даже друженъ. Войнаральскаго и Ковалика вскорѣ перевели въ Петропавловскую крѣпость.

Два надзирателя, Ерофеевъ и Мельниковъ, заподозрѣнные въ участіи въ побѣгѣ, были арестованы, но, вслѣдствіе недостаточности уликъ, были освобождены. Барановъ оказался выше подозрѣній и остался цѣлъ и невредимъ, но, во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній, перевелся въ отдѣленіе для уголовныхъ преступниковъ.

Говоря про побѣги, нельзя не упомянуть про неудачную попытку Феликса Волховскаго. Арестованный, какъ извѣстно, въ Одессѣ, онъ былъ отправленъ въ московскій тюремный замокъ, гдѣ содержался нѣсколько мѣсяцевъ. 21 ноября 1874 года Волховскій, по собственной просьбѣ, былъ вызванъ въ жандармское управленіе для дачи какихъ-то показаній. На возвратномъ пути онъ засыпалъ нюхательнымъ табакомъ глаза сопровождавшему его жандарму и пустился бѣжать, но тутъ же былъ задержанъ городовымъ и

жандармомъ, которые настигли его и повалили на землю.

Въ этотъ моментъ къ мѣсту свалки подлетѣлъ на рысакѣ отставной коллежскій регистраторъ Всеволодъ Лопатинъ, выскочилъ изъ саней, оттолкнулъ городового и жандарма и освободилъ Волховскаго. По условію послѣдній долженъ былъ вскочить въ сани, но Волховскій, повидимому, растерялся и сталъ убѣгать пѣшкомъ, въ сани же вскочилъ только одинъ Лопатинъ. Впрочемъ, и бѣглецъ, и его пособникъ были тутъ же арестованы. Вскорѣ Волховскаго препроводили въ Петербургъ и помѣстили въ домъ предварительнаго заключенія.

Въ 1876 году число заключенныхъ въ этомъ домѣ снова увеличилось. Тамъ были помѣщены участники первой политической демонстраціи въ Россіи, имѣвшей мѣсто 6 декабря 1876 г. въ Петербургѣ. Хотя они и были арестованы позже пропагандистовъ, но слѣдствіе по ихъ дѣлу производилось усиленнымъ темпомъ, и уже 25 января 1877 г. участники демонстраціи были приговорены, кто къ 15, кто къ 16 годамъ катóрги. Въ ожиданіи перевода въ Литовскій замокъ для отправки въ Сибирь они оставались въ домѣ предварительнаго заключенія, гдѣ лѣтомъ 1877 г. и разыгралась такъ называемая Боголюбовская исторія.

Къ этому времени «старожилы» «предварилки», просидѣвшіе здѣсь цѣлые годы, рѣшили не подчиняться болѣе арестантской инструкціи. Къ разговорамъ при помощи перестукиваній присоединились такъ называемые «клубы». Сущность этого чисто-арестантскаго изобрѣтенія заключалась въ слѣдующемъ: съ шестого этажа до перваго по всему зданію были устроены трубы, въ которыя вливались колѣна стульчаковъ, имѣющихся въ каждой камерѣ. Кто-то сдѣлалъ от-

крытіе, что если открыть крышку стульчака и промыть его раковину водою, то по трубамъ могутъ великолѣпно переговариваться другъ съ другомъ каждыя 12 камеръ. Группы, сообщающіяся между собою при помощи трубъ, и получили названіе «клубовъ». Несмотря на то, что учрежденіе «клубовъ» было крупнѣйшимъ нарушеніемъ тюремныхъ правилъ, но начальство не могло бороться съ этимъ зломъ и махнуло на него рукою. Совѣщанія по «клубамъ» происходили безпрепятственно, въ особенности по вечерамъ, когда надзиратели ослабѣвали въ своей бдительности, одолѣваемые сномъ и скукой.

Второе, не менѣе крупное нарушеніе инструкціи состояло въ томъ, что заключенные поотвинчивали тяжелыя желѣзныя оконныя рамы и поснимали ихъ долой. Это давало возможность арестованнымъ разговаривать другъ съ другомъ, сидя на подоконникахъ, видѣть другъ друга, слушать пѣніе и т. д.

Заключенные, открывъ окна, позаводили «коней», т. е. попроводили изъ окна въ окно шнурки, при помощи которыхъ можно было передавать другъ другу рѣшительно все: и записки, и книги, и угощеніе, и одежду. Начальство ревностно боролось съ «конями», посылало сторожей съ огромными пожарными лѣстницами и крючками обрывать «коней», но на ихъ мѣсто появлялись новые.

Для прогулокъ арестованныхъ, содержащихся въ одиночныхъ камерахъ, было устроено слѣдующее приспособленіе. По серединѣ двора, представлявшаго собою неправильный многоугольникъ, была построена невысокая башня, отъ которой, какъ отъ центра, шли по радіусамъ перегородки, числомъ девять, образующія девять своеобразныхъ камеръ, узкихъ въ одномъ концѣ и расширявшихся въ противоположномъ. Крышъ

эти камеры не имѣли и служили, какъ бы дворами, въ которыхъ совершали свои ежедневныя прогулки заключенные, изолированные и совершенно не видя другъ друга. На башнѣ помѣщался надзиратель, наблюдавшій за гуляющими.

Заключенные долго повиновались безъ ропота правиламъ, установленнымъ для прогулокъ, но лѣтомъ 1877 г. стали перелѣзать черезъ перегородки и гулять вмѣстѣ. Надзиратель, стоявшій на башенкѣ, не могъ сладить съ 9 человѣками, начальство же какъ будто примирилось съ этимъ зломъ.

Дѣло шло довольно мирно, пока управляющимъ домомъ предварительнаго заключенія былъ полковникъ Федоровъ, человѣкъ, довольно добродушный, но лѣтомъ онъ уѣхалъ въ отпускъ, и его замѣстилъ полицейскій чиновникъ Куриѣевъ, который счелъ нужнымъ доложить обо всѣхъ нарушеніяхъ инструкціи градоначальнику Трепову, состоявшему главнымъ начальникомъ «предварилки».

И вотъ, въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1877 г., утромъ, въ тюремный дворъ явился въ сопровожденіи Куриѣева и надзирателей самъ Треповъ, въ сѣромъ генеральскомъ пальто на распашку. Въ этотъ моментъ всѣ девять человѣкъ, гулявшіе въ загонахъ, уже успѣли перебраться черезъ рѣшетку во дворъ, за исключеніемъ одного Кадьяна, какъ разъ перелѣзавшаго черезъ рѣшетку. Остальные заключенные сидѣли въ камерахъ на своихъ подоконникахъ и смотрѣли во дворъ.

Въ числѣ гулявшихъ былъ упомянутый выше участникъ демонстраціи на Казанской площади Боголюбовъ, къ которому вдругъ повернулся Треповъ съ крикомъ: «Ты какъ смѣешь стоять предо мною въ шапкѣ!» Не успѣлъ Боголюбовъ опомниться отъ совершенно неожиданнаго наско-

ка, какъ Треповъ, съ крикомъ: «Шапку долой!», размахнулся правою рукою и сбросилъ у него шапку.

Сидѣвшіе въ это время на подокопникахъ заключенные видѣли эту сцену, и имъ показалось, что Треповъ ударилъ Боголюбова. Какъ по командѣ, изъ всѣхъ оконъ раздался крикъ: «Палачъ! мерзавецъ Треповъ! Вонъ, подлецъ!» Поднялся невообразимый крикъ. Треповъ стоялъ во дворѣ и безсильно металъ злобные взгляды на всѣ шесть этажей «предварилки», и, когда шумъ нѣсколько стихъ, крикнулъ Курнѣеву, указывая на Боголюбова: «Увезти его и выпороть!»

Два надзирателя подхватили и увели Боголюбова. Вслѣдъ за ними удалился и Треповъ съ Курнѣевымъ, въ «предварилкѣ» же поднялся настоящій адъ. Около 300 человѣкъ, сидѣвшихъ въ одиночныхъ камерахъ, стали бить въ двери, обитыя желѣзомъ, тяжелыми рамами. Черезъ полчаса во дворъ явился вновь Курнѣевъ и объявилъ, что Боголюбова выпороли. Ему дѣйствительно дали 13 розогъ. Послѣ этого извѣстія поднялся новый взрывъ неистовствъ. Всѣ кричали, били оловянной посудой въ желѣзные подокошники, ломали все, что только могло быть исковеркано и изломано въ камерахъ.

Треповъ послалъ отрядъ городовыхъ, подъ предводительствомъ помощниковъ домовъ предварительнаго заключенія, Курилейко, Кутайсова и Константиновскаго, усмирять заключенныхъ.

Гдѣ только раздавался стукъ въ то время, какъ проходилъ мимо отрядъ, та камера отпиралась, и туда врывались городовые. Начиналось битье и топтанье ногами заключеннаго, послѣ чего избитаго выволакивали изъ камеры и тащили въ карцеръ. Многіе заключенные, какъ Ковалевъ, Волховскій и кн. Циціановъ, были избиты до полусмерти.

Въ этотъ день у Говорухи-Отрока было назначено свиданіе съ Михайловскимъ, у Тихомірова съ Софьей Перовской, числившейся тогда его невѣстой. Пришедшіе въ этотъ день не были допущены, но, стоя на улицѣ, они слышали крикъ, стукъ, гулъ и распространили по городу извѣстіе о бунтѣ въ «предварилкѣ».

Вечеромъ заключенные откомандировали къ начальству Синегуба съ требованіемъ освободить товарищей изъ карцеровъ, если не всѣхъ, то хоть больныхъ, а остальныхъ дозволить накормить и напоить. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Ковалеву и кн. Циціанову оказана медицинская помощь, и они помѣщены въ лазаретъ, Волховской же и другіе избитые уже водворены въ свои камеры.

На другой день съ утра въ тюрьмѣ опять поднялись шумъ и гамъ, но вскорѣ заключенные получили записку отъ «отца Митрофана» (Муравскаго), предлагавшаго перестать быть «неодушевленные предметы» и постараться быть «предметы одушевленные», начавъ съ Трепова и кончивъ помощниками управляющаго. Съ этой цѣлью надо успокоиться на недѣльку, когда же все войдетъ въ обычную норму, нѣсколько человѣкъ напишутъ заявленіе градоначальнику о необходимости улучшенія пищи или о разрѣшеніи имѣть инструменты для занятій въ камерѣ ремесломъ. Такъ какъ послѣ такихъ заявленій въ домъ предварительнаго заключенія являлся обыкновенно самъ Треповъ и заходилъ въ камеру просителя для выслушиванія личныхъ объясненій, то было рѣшено, что первый человѣкъ, къ которому зайдетъ градоначальникъ, долженъ неожиданно кинуться на Трепова и чѣмъ попало исковеркать ему физіономію.

Тюрьма скоро успокоилась. Впрочемъ, Богословская исторія надѣлала много шуму въ Петербургѣ, и по этому дѣлу было назначено слѣдствіе, порученное слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, Кириму, но оно было вскорѣ прекращено. Только выстрѣлъ Вѣры Засуличъ заставилъ общество обратить вниманіе на это дѣло.

III.

Процессъ «50-ти».—Обвиненіе.—Заявленіе Баринова и Ковалева. — Дѣленіе подсудимыхъ на группы. — Показанія Скворцовой.—Отставной солдатъ Матвѣевъ.—Изъ рѣчи прокурора Жукова.

Хотя лица, принадлежавшія къ такъ называемому Морозовымъ «великому обществу пропаганды», были переловлены и посажены въ тюрьмы раньше членовъ всероссійской организаціи, но судъ надъ послѣдними, или такъ называемое дѣло «50», происходилъ раньше, чѣмъ судъ надъ первыми (дѣло «193-хъ»).

Составъ суда по дѣлу «50-ти» былъ тотъ же, что и по дѣлу о демонстраціи на Казанской площади. Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій, сенаторъ К. К. Петерсъ, въ составъ присутствія входили: М. Н. Похвисневъ. К. К. Реннепкампфъ. Д. Д. Нееловъ, Н. О. Тизенгаузенъ и Б. Н. Хвостовъ, черниговскій губернскій предводитель дворянства Н. И. Неплюевъ, вышневолоцкій уѣздный маіоръ П. И. Сназинъ-Тормасовъ. псковскій городской голова Сутгофъ и волостной старшина. Обвинялъ исправляющій должность товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента К. Н. Жуковъ. Защищали подсудимыхъ присяжные повѣренные: Бардовскій, Боровиковскій, Борщовъ. Войцеховскій, Герардъ, Гернгроссъ, Зубаревъ, Коршъ, Люстигъ, Нечаевъ,

Ольхинъ, Полежаевъ, Спасовичъ, Хартулари и Шванебахъ.

Разсмотрѣніе дѣла продолжалось ровно три недѣли, съ 21-го февраля по 14-е марта.

Мы не будемъ излагать содержанія обвинительнаго акта, сущность котораго сводится къ изложенію исторіи всероссійской организаціи и ея отдѣленій въ Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Кіевѣ.

Центральными фигурами процесса явились: Джабадари, Здановичъ, Чекоидзе, Кардашевъ, Вѣра Любатовичъ и князь Циціановъ, обвиняемые въ томъ, что составили и принимали участіе въ противузаконномъ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, а также въ распространеніи печатныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію верховной власти. Циціановъ и Вѣра Любатовичъ обвинялись, кромѣ того, въ покушеніи на жизнь прапорщика Ловягина и помощника квартальнаго надзирателя Федорова.

Студентъ медико-хирургической академіи, Иванъ Рождественскій, отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи Левъ Ивановъ, потомственный почетный гражданинъ Григорій Сбромірскій и бывшіе студенты Петровской земледѣльческой академіи Александръ Бѣляевскій и Александръ Трубецкой обвинялись въ томъ, что, хотя и не принадлежали къ числу членовъ преступнаго сообщества, но получали отъ членовъ этого сообщества и распространяли книги, имѣвшія цѣлью возбужденіе къ явному неповиновенію верховной власти.

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта, рабочіе Баринов и Ковалевъ, показанія которыхъ сослужили въ свое время столь большую службу

жандармскому управленію, сдѣлали такія заявленія: Баринов—«Прошу покорнѣйше считать мое показаніе неправильнымъ»; Ковалевъ—«Мои доказательства есть ложь. Я объявляю это раньше».

На вопросъ о виновности почти всѣ подсудимые отвѣтили отрицательно. Александрова сказала: «Цѣль моей поѣздки въ Иваново-Вознесенскъ была вести пропаганду. Насколько же сдѣлано на практикѣ, будетъ видно изъ показаній свидѣтелей». Бардина сказала: «По поводу моей дѣятельности никакихъ объясненій давать не желаю». Кн. Цицiановъ сказалъ: «Выстрѣлы были сдѣланы, но личностью Ловягина я вовсе не занимался, умысла убить его не имѣлъ, но извѣстныя обстоятельства вызвали меня на выстрѣлъ. Въ обвинительномъ актѣ выражено, что я будто бы показалъ, что имѣлъ цѣлью убить. Я вовсе не такъ показалъ. На вопросъ, съ какою цѣлью я стрѣлялъ, я сказалъ: съ какой обыкновенно стрѣляютъ, чтобы попасть въ цѣль, но я предумышленной цѣли не имѣлъ».

Вѣра Любатовичъ въ отвѣтъ на вопросъ, признаетъ-ли себя виновною въ томъ, что душила Федорова съ цѣлью лишить его жизни, разразилась смѣхомъ и сказала: «Нѣтъ, не признаю! Когда пять человѣкъ бросились на Цицiанова и могли его убить, я бросилась, чтобы его не задушили».

Ковалевъ попытался сдѣлать еще одно заявленіе и сказалъ: «Я не нахожу возможнымъ, чтобы меня включили въ число этихъ лицъ. Я глупъ, а они не настолько глупы, чтобы со мною знакомиться. Я платилъ оброкъ и находился на работѣ. Довольно будетъ, что я просидѣлъ полтора года въ одиночномъ заключеніи...» Тутъ первоприсутствующій остановилъ Ковалева, замѣтивъ, что онъ будетъ имѣть возможность сдѣлать свои

заявленія впослѣдствіи. Затѣмъ первоприсутствующій объявилъ, что въ виду многосложности дѣла особое присутствіе нашло нужнымъ распредѣлить подсудимыхъ на четыре группы: 1) обвиняемые въ распространеніи преступныхъ книгъ между рабочими на московскихъ фабрикахъ (17 человѣкъ), 2) обвиняемые въ такомъ же распространеніи въ Иваново-Вознесенскѣ (11 человѣкъ), 3) обвиняемые въ агитаціи въ Кіевѣ и Тулѣ (17 человѣкъ) и 4) остальные обвиняемые.

По ходатайству защиты особое присутствіе разрѣшило оставаться всѣмъ подсудимымъ при производствѣ слѣдствія по отдѣльнымъ группамъ. При этомъ первоприсутствующій обратился къ обвиняемымъ съ внушеніемъ, что они не должны вести себя такъ, какъ вели до настоящаго времени, то-есть не затруднять суда неумѣстными замѣчаніями.

Тутъ было приступлено къ производству слѣдствія по первой группѣ, куда были отнесены, прежде всего, девять лицъ, задержанныхъ въ домѣ Корсакъ. Рабочій Яковлевъ увѣрялъ, что Васильевъ убѣждалъ его: «Ты согласись пятокъ подготовить, я тоже пятокъ подготовлю, и такимъ манеромъ соберутся 4,000, а за границей уже всѣ готовы... Нужно сдѣлать бунтъ, чтобы всякій свой хлѣбъ ѣлъ и чтобы чужой трудъ не съѣдали...» Послѣ этого свидѣтель заявилъ обо всемъ жандармскому управленію, представилъ двѣ книжки, полученныя отъ Васильева, и сказалъ, что условился встрѣтиться съ нимъ въ трактирѣ, куда и отправили вмѣстѣ съ нимъ сыщиковъ и переодѣтыхъ жандармовъ.

Весьма обстоятельно разсказала про свое знакомство съ пропагандистами сожительница Васильева, Дарья Скворцова. Она разсказала, какъ однажды къ нимъ пришелъ Петръ Алексѣевъ,

пріѣхавшій только-что изъ Петербурга, вызвалъ Васильева и пошелъ съ нимъ въ трактиръ, что стало повторяться съ тѣхъ поръ ежедневно. Дарьѣ надоѣло это, и однажды она отправилась за Васильевымъ въ трактиръ и позвала его домой. Онъ пошелъ. «Что это вы прежде не ходили, а теперь стали ходить?», спросила Васильева сожительница, на что онъ отвѣтилъ: «Ты ничего не знаешь». Затѣмъ Скворцова познакомилась и съ остальными пропагандистами: семью женщинами и однимъ мужчиною, стирала имъ бѣлье, но затѣмъ они стали ее остерегаться, больше къ себѣ на квартиру не пускали, а затѣмъ и переѣхали куда-то, но она разыскала ихъ и, когда Васильева забрали, указала ихъ квартиру жандармамъ.

Далѣе, допрашивался рядъ свидѣтелей, служащихъ и рабочихъ фабрикъ, на которыхъ работали: Бардина, Ольга Любатовичъ, Бетти Каминская, и прочитанъ былъ протоколъ обыска, произведеннаго въ домѣ Корсакъ, гдѣ, какъ извѣстно, были арестованы: Бардина, Каминская, Алексѣевъ, Джабадари, Чекондзе, Георгіевскій, Лукашевичъ, Агаповъ и Николаевъ.

Слѣдствіе по второй группѣ было открыто чтеніемъ протокола обыска въ домѣ Кисина, гдѣ въ числѣ прочихъ пропагандистовъ былъ арестованъ рабочій Агаповъ, отправившійся въ Иваново-Вознесенскъ, послѣ того, какъ его освободили изъ-подъ ареста, послѣ задержанія въ домѣ Корсакъ. На вопросъ первоприсутствующаго онъ объяснилъ, что послѣ освобожденія изъ-подъ стражи отправился въ Иваново-Вознесенскъ на пропаганду, знакомился тамъ съ рабочими, читалъ имъ книги, иногда съ Александровымъ, иногда одинъ. Александровъ сказалъ, что ничего не желаетъ говорить: «Я не отрицаю, что распространялъ революціонныя идеи посредствомъ устной

пропаганды и книгъ, но не желаю давать объясненій, такъ какъ дѣйствовалъ по своему убѣжденію».

Показанія свидѣтелей, уличавшихъ обвиняемыхъ этой группы, обыкновенно читались. Были оглашены письма и записки, захваченныя во время обыска въ домѣ Кисина, которыя, какъ извѣстно, послужили главнымъ матеріаломъ для обвиненія не только Иваново-Вознесенской, но и другихъ группъ.

Свидѣтели третьей группы показали, что въ Тулѣ, подъ именемъ Махоткиной, проживала Ольга Любатовичъ съ рабочими Иваномъ и Николаемъ Едуковымъ, ее часто посѣщали Сидорацкій и Фетисовъ, которые и были арестованы въ ея квартирѣ. Свидѣтельскими показаніями были выяснены любопытныя подробности относительно рабочаго Ковалева, выдававшаго жандармамъ тульскихъ пропагандистовъ. Онъ жилъ вмѣстѣ съ отставнымъ рядовымъ Матвѣевымъ у крестьянки Алифановой, днемъ ходилъ на работу, а вечеромъ приносилъ книжки. Принесъ одну и заставилъ Матвѣева читать. Пропаганда не удалась, и, въ концѣ-концовъ, Матвѣевъ не только поколебалъ убѣжденія Ковалева, но даже убѣдилъ его пойти къ приставу и донести на пропагандистовъ. Онъ увѣрялъ его, что ему за это дадутъ и нѣсколько тысячъ денегъ, и чиновъ. Ковалевъ просилъ Матвѣева найти ему человѣка написать прошеніе, но онъ объяснилъ ему, что это лишнее, что можно объяснить все и на словахъ.

Въ возраженіе на показанія свидѣтелей Ковалевъ разсказалъ, что онъ первоначально пріѣхалъ изъ деревни въ Кіевъ и нанялся тамъ на сахарный заводъ по контракту, на 6 мѣс., и получилъ 15 руб. задатка, но ему тамъ не понравилось, и онъ попросилъ у директора разсчетъ. Тотъ при-

грозилъ, что представитъ его мировому судьѣ. Тогда Ковалевъ бросилъ свой паспортъ, купилъ подложный и съ Гераспмомъ поѣхалъ въ Тулу, гдѣ познакомился съ Любатовичъ. Петръ Спдоренко далъ ему двѣ книги, которыя онъ показалъ Матвѣеву. Тотъ убѣдилъ его заявпть въ часть. Приставъ познакомилъ его съ генераломъ и прокуроромъ. «Тогда начались допросы,—продолжалъ Ковалевъ,—я дѣйствительно всѣхъ не могъ знать лично. Впдѣть, видалъ на подобіе этихъ личностей, но всѣхъ не зналъ. Потомъ повезли меня въ Кіевъ, посадили въ тюремный замокъ. Я хотѣлъ объяснить высшему начальству, но я сидѣлъ подъ замкомъ. Мнѣ разныя грубости произносили за то, что я хотѣлъ разъяснить. Меня сажали такъ, что не было звука, никакого зрѣпія».

Дальнѣйшій допросъ свидѣтелей и чтеніе документовъ по дѣлу не выяснили ничего новаго. Въ своей рѣчи тов. прокур. указалъ, что, со времени учрежденія особаго присутствія для сужденія политическихъ дѣлъ, предъ правительствующимъ сенатомъ не мало проходило дѣлъ, по которымъ разныя лица обвинялись въ совершепіи государственныхъ преступленій. Особому присутствію пришлось разрѣшить дѣло о первой попыткѣ организовать сообщество съ цѣлью идти «въ народъ» и распространять въ немъ революціонныя идеп путемъ раздачи книгъ возмутительнаго содержанія,—это дѣло Долгушина и его сообщниковъ. Затѣмъ, по остальнымъ дѣламъ обвинялись одно, два, трп лица, и дѣла эти пе имѣли между собой прямой, непосредственной связи Опи не давали возможности опредѣлить, въ чемъ именно, заключается пропаганда, гдѣ опа черпала силы, откуда и какъ шла и какими средствами располагала.

«Въ 1874, а затѣмъ въ 1875 г., возникли

два большихъ дѣла, обратившія на себя вниманіе всего общества. Если къ прежнимъ отдѣльнымъ проявленіямъ пропаганды общество наше относилось равнодушно, то дознанія 1874 и 1875 гг. не могутъ не обратить на себя особаго вниманія общества, потому что они наглядно доказываютъ, что среди русскаго общества есть не мало людей, стремящихся, путемъ распространенія среди рабочаго люда имперіи революціонныхъ идей, поднять народъ, возбудить его къ бунту. Понятно, что общество не можетъ отнестись безучастно къ подобному явленію.

«Особому присутствію сената въ настоящее время предстоитъ разрѣшить второе изъ этихъ дѣлъ,—дѣло, возникшее въ Москвѣ въ 1875 г. Какъ ни великъ, какъ ни важенъ для оцѣнки значенія преступной пропаганды матеріалъ, доставленный настоящимъ дѣломъ, тѣмъ не менѣе, правильные и точные по сему предмету выводы могутъ быть сдѣланы только тогда, когда особое присутствіе ознакомится съ другимъ, возникшимъ въ 1874 г. дѣломъ. Лишь изъ сопоставленія этихъ двухъ дѣлъ получится достаточно полное представленіе о томъ, какое общественное значеніе имѣютъ явленія, о которыхъ идетъ рѣчь.».

IV.

Изъ рѣчи Спасовича. — Критика революціонной литературы. — Дѣятельность пропагандистовъ и уголовный кодексъ.—Старая и молодая Россія.—Рѣчи Бардиной.—

Рѣчи защитниковъ по дѣлу «50-ти» открылъ В. Д. Спасовичъ. Знаменитый адвокатъ отмѣтилъ, что его задача не изъ легкихъ: необходимо взвѣшивать каждое слово, такъ какъ, не досказешь—не хорошо защитишь кліента, скажешь лишнее, вступишься теплымъ словомъ за обвиняемыхъ,— посягнешь на основы церкви, общества, государства, семьи и доброй нравственности. «Когда судится убійство или кража,—говорилъ Спасовичъ,—никто не вздумаетъ заподозрить въ защитѣ единомышленника, хотя бы онъ съ трогающею до глубины души красотою отстаивалъ кліента, но есть много людей, которые по преступленіямъ политическимъ готовы корить защитника за всякое теплое слово, сказанное въ пользу этихъ гибкихъ молодыхъ силъ, до того сильно предубѣжденіе, которое, отвергая и осуждая ихъ гуртомъ, видитъ въ нихъ либо сумасшедшихъ, либо отъявленныхъ враговъ всякаго общежитія, разрушающихъ основы общества и государства».

Далѣе слѣдовало обращеніе по адресу судей, заявленіе, что подъ ихъ эгидою и на ихъ глазахъ защитники не могутъ опасаться подобнаго смѣшенія съ подсудимыми, отъ которыхъ от-

дѣляетъ ихъ возрастъ, общественное положеніе, иной образъ мыслей, иныя идеи, нравы.

Спасовичъ защищалъ Вѣру Любатовичъ, Джабадари и Георгіевскаго, но въ его рѣчи самая интересная—общая часть. Въ ней онъ подвергъ, между прочимъ, критикѣ революціонную литературу, за распространеніе которой привлекались къ отвѣтственности пропагандисты.

«Разборъ этотъ,—говорилъ Спасовичъ,—представляетъ нѣкоторыя особенныя затрудненія, изъ которыхъ первое заключается въ томъ, что трудно критиковать то, что составляетъ само по себѣ секретъ и что само, своимъ невѣдомымъ для публики, но распространеннымъ въ народѣ содержаніемъ защищаться не можетъ. Такія критики обыкновенно расходятся съ цѣлью и приводятъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, то-есть критику послушаютъ, а думаютъ: «въ книгѣ-то побольше, чѣмъ въ критикахъ», однимъ словомъ, въ самомъ безобразномъ сочиненіи предполагается существованіе той доли истины, которая кроется и въ самомъ сильномъ заблужденіи.

«Мнѣ кажется, что изъ этой массы книгъ надобно выбирать не отдѣльныя зажигательныя фразы, которыя, оторванныя отъ цѣлаго и безъ связи съ нимъ, ничего не доказываютъ и ничего не выражаютъ, но тѣ произведенія, которыя содержатъ въ себѣ самую соль, самую суть ученія, которыя могутъ служить мѣриломъ и показателемъ идей. Такихъ книгъ я нахожу двѣ: «Хитрую механику» и «Сказку о 4-хъ братьяхъ», которую нѣкоторые изъ пропагандистовъ неразвитыхъ знали наизустъ. Въ этихъ произведеніяхъ обращаетъ, прежде всего, вниманіе ихъ несерьезная, сказочная форма. Я не слыхалъ, чтобы какое-нибудь воззваніе къ бунту было въ формѣ сказки. Сказка, новелла, басня—все равно, что орѣхъ

въ своей скорлупѣ: сначала раскуси, намотай на усъ, поразмысли и тогда пойми... Въ скорлупѣ спитъ и мораль. Мораль эта: критика настоящаго, чаяніе будущаго или идеалъ.

«Идеалъ этотъ политическаго свойства: не будетъ ни моего, ни твоего, а все братское, чтобы всѣ трудились по своей силушкѣ, а брали, сколько надобно, безъ излишества; когда все братское, то не можетъ быть барыша, а не будетъ барыша, нѣтъ надобности копить, а нѣтъ накопленія, и воровъ не будетъ. Хитрой механики мы не заведемъ, но и никакой механики не предлагаемъ: настоящая фраза пропаганды тѣмъ и замѣчательна, что, въ неопредѣленной дали открывая виды на коммунистическій рай, изображая нѣчто въ родѣ золотого сна, она воздерживается отъ всего догматическаго, не предлагаетъ ни фаланстера, ни коммуны, ни какихъ бы то ни было построеній, ни окончательныхъ, ни переходныхъ. На первый планъ вмѣсто всякихъ утопій она выдвигаетъ критику и одну только критику всего существующаго съ коммунистической точки зрѣнія: совѣсть у богатаго, что сталь закаленная; законъ такъ устроенъ, что сильный можетъ все сдѣлать, а слабый долженъ молчать—нѣтъ мѣста для бѣднаго, всѣ мѣста міроѣдами заняты.

«Критика и одна критика ѣдкая и сильная идетъ по всѣмъ направленіямъ отъ міра мужицкаго и фабричнаго до вершинъ общества и государства, возбуждая общее неопредѣленное неудовольствіе настоящимъ, которое, потому, что оно общее, что оно направлено въ одинаковой степени и противъ собственности, и противъ фабрикантовъ, и противъ священниковъ, и противъ міроѣдовъ, и противъ правительства—дѣлается менѣе интенсивнымъ, а болѣе экстенсивнымъ, и захватываетъ въ ширь, но не захватываетъ въ

глубину. Оно слишкомъ широкое, чтобы можно было предположить, что оно то, что предполагаетъ, произведетъ, что оно сдвинетъ горные хребты и выровняетъ моря общественнаго устройства.

«Что бы вы сказали на цѣлый муравейникъ, который бы задался мыслью разрушить Монблапъ? Оно, конечно, возможно, но въ продолженіе безконечно долгаго времени и безконечно великаго числа рабочихъ единицъ. Произвести политическую революцію легче, надобно только пріударить на правительство, но соціальную куда какъ труднѣе, а обѣ вмѣстѣ даже невозможно. Вотъ почему соціальные революціонеры, подводя свои мины подъ общество, стараются быть легалистами, быть строгими законниками и жить въ ладахъ съ правительствомъ».

Исходя изъ такихъ соображеній, Спасовичъ утверждалъ, что, такъ какъ пропагандисты выступали, главнымъ образомъ, противъ соціальнаго строя и только отчасти ратовали за политическій переворотъ, то ихъ нельзя преслѣдовать за воззваніе къ бунту, къ насильственному перевороту въ близкомъ, опредѣленномъ будущемъ и настаивать на томъ, что ихъ дѣянія должны быть наказуемы, какъ оспариваніе началъ собственности и семейнаго союза, какъ воззваніе, вооружающее одну часть населенія противъ другой, колеблющее довѣріе къ дѣйствующимъ законамъ.

«Если бы я былъ судья,—говорилъ Спасовичъ,—я не затруднился бы подвести дѣянія пропагандистовъ подъ одно изъ этихъ понятій... Меня не остановило бы то, что за эти преступленія, совершенныя посредствомъ гуттенбергова изобрѣтенія, полагаются сравнительно малыя, хотя и очень чувствительныя наказанія: смирительный домъ. Они малы, по мнѣ кажется, были бы вполнѣ достаточны. Репрессивность наказаній

всего сильнѣе обезпечивается умѣренностью ихъ, строгимъ соотвѣтствіемъ ихъ съ виною. Кромѣ того, не надо забывать, что собственность, религія, семья—это установленія самостоятельныя, которыя хотя государство и обязано охранять отъ посягательства извнѣ, но охраною, не переходящею границъ строгой необходимости. Государство находится въ союзѣ, но не сливается ни съ однимъ изъ этихъ установленій, они сами должны давать отпоръ. Когда они охраняются только государствомъ и посредствомъ такихъ мѣръ, какими государство охраняетъ собственное свое бытье, то они сами теряютъ свою самостоятельность, дѣлаются, такъ сказать, понятіями казенными, и вокругъ нихъ вслѣдствіе строгостей образуется искусственная тишина: никто ихъ не защищаетъ, потому что оспаривать ихъ небезопасно и, не оспариваемыя явно,—они только подтачиваются незамѣтно маленькими червячками въ родѣ брошюръ, которыя выложены на столѣ и которыхъ дѣйствіе, по моему мнѣнію, было бы гораздо менѣе опасно, если бы онѣ были напечатаны въ газетахъ».

Вслѣдъ затѣмъ знаменитый юристъ отмѣтилъ, что при опредѣленіи наказанія за производство пропаганды нужно точно установить, какія, именно, книжки распространялъ каждый изъ обвиняемыхъ, такъ какъ «нельзя же взваливать на человѣка всѣ произведенія подпольной печати, когда онъ распространялъ только нѣкоторыя, а иныхъ, можетъ быть, и чурался, ненавидя ихъ и боясь, какъ ненавидѣлъ Вольтеръ Руссо, какъ всякій революціонеръ, но—самый крайній, всякій постепеновецъ боится и противодѣйствуетъ тѣмъ, которые его перещеголяли. Подъ боевымъ перекрестнымъ огнемъ суда всѣ тѣ лица, которыя привлечены за пропаганду, сплотились и стоятъ однимъ фронтомъ, но, какъ въ церкви

пѣтъ двухъ лицъ, которыя имѣли бы одинаковыя понятія о Богѣ, такъ и въ этомъ отрядѣ нѣтъ двухъ людей, одинаково понимающихъ свои цѣли, средства и задачи... Всякая революціонная организація тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ, что въ ней, какъ въ ковчегѣ Ноя, существуютъ и взаимно себѣ помогаютъ всякія животныя рядомъ съ человѣкомъ, который говоритъ: «бунтовать, убивать, стрѣлять можетъ лишь человѣкъ, который по принципу не способенъ убить даже муху...» Если какой-либо революціонеръ идетъ въ народъ, дабы изучать его и поднять въ немъ культуру образовательными дѣйствіями, то смѣшивать его съ сорвиголовою и вертопрахомъ, которому бы только зажечь пламя и любоваться, какъ оно красиво, было бы явно вопіющею несправедливостью. Надобно различать пропаганду и пропаганду, вникать, какія книги раздавались, какія рѣчи произносились».

Спасовичъ закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ:

«Въ заключеніе, я позволю себѣ высказать нѣсколько общихъ соображеній, которыя, по моему убѣжденію, должны бы васъ расположить быть мягкими, снисходительными въ отношеніи ко всѣмъ моимъ кліентамъ, какъ и ко всѣмъ, вообще, подсудимымъ по дѣлу 21 февраля. По обвинительному акту подсудимыхъ 50, изъ нихъ какъ-разъ $^1/_3$ женщинъ и $^2/_3$ мужчинъ, изъ подсудимыхъ болѣе 10 процентовъ несовершеннолѣтнихъ, да и, вообще, если сложимъ всѣ года подсудимыхъ, то получимъ средній выводъ 23,72, изъ чего вытекаетъ заключеніе, что судится молодое, незрѣлое поколѣніе людьми, которыхъ средній возрастъ едва-ли не вдвое болѣе...

«Разница въ возрастахъ затрудняетъ пониманіе нуждъ и потребностей, ошибокъ и стремленій,—они не всѣ могутъ быть такъ дурны, какъ

предполагаютъ. При оцѣнкѣ не надо слишкомъ довѣряться первому впечатлѣнію, ихъ рѣзкости въ словахъ, ихъ грубости въ выраженіяхъ. Оно, вообще, грубѣе, это поколѣніе; оно выросло и сложилось при другихъ, нежели наше, условіяхъ. Наше поколѣніе выросло при двухъ условіяхъ: при устраненномъ потомъ волею законодателя крѣпостномъ правѣ и при полномъ отсутствіи почти всякой общественной жизни, вслѣдствіе чего кормились мы одними только отвлеченными умственными наслажденіями, воспитывались по началамъ эстетики, въ культѣ чистой красоты. Всякая односторонность вызываетъ реакцію въ совершенно противоположномъ направленіи. Такою реакціею и является позитивизмъ, презрѣніе ко всякой эстетикѣ, понятіе, что пара сапогъ лучше поэмы Пушкина, и такая водобоязнь въ отношеніи къ идеальному, къ романическому, что аффектируется напускная грубость, чтобы не показаться сентиментальнымъ и слюнявымъ, и что, по выраженію одного письма, если бы новому дѣятелю пришлось быть въ лѣсу и зябнуть, то онъ, имѣя спички, не зажегъ бы огня, чтобы не походить на героя изъ Майнъ-Рида или Купера!..

«Этой рѣзкости я не одобряю... Но у нихъ есть качества, которыхъ въ наше время недоставало: намѣренное предпочтеніе, отдаваемое черной работѣ, тяжкому труду, сознательное стремленіе посвящать себя этому труду. Стремленіе доведено до абсурда, но съ теченіемъ времени абсурдъ отойдетъ, хорошее останется, и подобный человѣкъ можетъ быть употребленъ съ пользою даже государственною властью на дѣло полезное. Я ссылаюсь на вашъ опытъ, на то, что бывали въ государствѣ россійскомъ люди, которые въ молодости считались отчаянными и опасными революціонерами, а впослѣдствіи оказали услуги, какъ люди вполнѣ государственные.

«Наконецъ, мой послѣдній аргументъ—это чрезвычайное распространеніе въ настоящее время, если не коммунистическихъ и соціалистическихъ сообществъ, то, по крайней мѣрѣ, идей, вслѣдствіе чего идетъ большая волна. На ней плаваютъ какъ будто бы крупинки, какъ будто бы щепки, ничѣмъ не выдающіеся, ординарные представители безымянной Руси, какъ ее обозвалъ Тургеневъ въ своемъ романѣ «Новь».

«По дѣлу, недавно бывшему, о преступленіи 6 декабря, моимъ товарищемъ по защитѣ произнесены были слова, противъ которыхъ я протестую: что въ дѣлахъ политическихъ, происходящихъ не столько отъ испорченности сердца, сколько отъ заблужденій ума, нравственность и безнравственность не принимаются въ разсчетъ, а преступленія преслѣдуются и наказываются только по относительной опасности дѣянія, по закону необходимой обороны. Я протестую противъ начала, которое повело бы къ тому, что пропаганда должна соразмѣряться съ распространеніемъ преступленія, съ чиномъ дѣйствующаго лица, и отрицаю всякое примѣненіе закона необходимой обороны.

«Какая же тутъ необходимая оборона?—гдѣ же тутъ опасность неминуемая?—гдѣ вулканъ? Фактъ распространенія имѣетъ свои причины, въ эти причины не могутъ входить ни защита, ни судъ, и защитнику, непрошенному совѣтнику, не придетъ на мысль предлагать свою политику, свои мѣры противодѣйствія. Но защитникъ не можетъ не знать, что этотъ фактъ вызываетъ противодѣйствіе не въ одной только формѣ уголовныхъ наказаній, что уголовныя наказанія всего менѣе успѣшны, и что, не задаваясь никакими постороннимп задачами политики, судъ долженъ только. рѣшая по справедливости, отыскивать уравненіе между наказаніемъ и виною, а

по справедливости онъ можетъ уравнивать, опредѣляя величину преступленія, не измѣреніемъ волны плоскъ стоящій на ней человѣкъ, но откидывая волны и за устраненіемъ ихъ измѣряя только человѣка. Не можетъ же быть этотъ человѣкъ искупителемъ за духъ вѣка, за его неудержимыя стремленія, за все то, что увлекаетъ мимо вѣдѣнія и воли въ невѣдомую и загадочную даль. Распространеніе движенія есть въ глазахъ правосудія смягчающее вину обстоятельство. Я вѣрю, что вы это обстоятельство примете въ разсчетъ и что, вообще, вы будете дѣлать различіе между подсудимыми по степени ихъ революціонности».

Кромѣ защитниковъ по процессу «50-ти», произнесли рѣчи и нѣкоторые изъ подсудимыхъ. Такъ, Софья Бардина подвергла сначала критикѣ улики, выставляемыя противъ нея обвиненіемъ, говоря:

«Я отказываюсь отъ чести принадлежать къ организаціи не изъ страха наказанія, такъ какъ противъ меня существуютъ болѣе вѣскія обвиненія, которыхъ я и сама не отрицаю, но я защищаюсь теперь потому только, что это мнѣ кажется пристрастнымъ, если не нелогичнымъ, пристрастнымъ и несправедливымъ даже съ юридической точки зрѣнія. Я съ своей точки зрѣнія ни въ чемъ не считаю себя виновной и подлежащей наказанію, ибо никакого вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надѣюсь.

«Конечно, меня такъ же, какъ и другихъ подсудимыхъ, обвиняютъ въ стремленіи разрушить священныя основы собственности, семьи, религіи и государства, въ возбужденіи къ бунту и стремленіи водворить анархію въ обществѣ. Все это было бы весьма ужасно, если бы было справедливо. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти обвиненія

основаны на недоразумѣніи, которое я и постараюсь теперь объяснить, если судъ меня выслушаетъ.

«Собственности я никогда не отрицала. Напротивъ, я осмѣливалась даже думать, что я защищаю собственность, ибо я признаю, что каждый человѣкъ имѣетъ право на собственность, обезпеченную его личнымъ, производительнымъ трудомъ, и что каждый человѣкъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ своего труда и его продукта. И, скажите послѣ этого,—я-ли, имѣя такіе взгляды, подрываю основы собственности, или тотъ фабрикантъ, который, платя рабочему за одну треть его труда, двѣ трети беретъ даромъ? Или тотъ спекуляторъ, который, играя на биржѣ, разоряетъ тысячи семействъ, обогащаясь на ихъ счетъ и самъ не производя ничего? Коммунизма, какъ нѣчто обязательное, ни я, ни другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуетъ. Мы только выставляемъ на первый планъ право рабочаго на полный продуктъ его труда. Затѣмъ, какъ онъ распорядится съ этимъ продуктомъ, обратитъ-ли его въ общую или частную собственность,—это уже его дѣло. Мы этихъ вопросовъ предрѣшать теперь не беремся и не можемъ предрѣшать, принимая во вниманіе, что такой строй можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ, и что подобныя детали могутъ быть выработаны только практикой.

«Относительно семьи я также не знаю, подрываетъ-ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать семью и идти для скуднаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращается и она, и ея дѣти, тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ

благоустроенномъ государствѣ; или подрываемъ семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи?

«Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ основателемъ христіанства. Кромѣ того, должна замѣтить, что ни одинъ свидѣтель и не говорилъ, что ему пропагандировали что-либо относительно религіозныхъ вопросовъ, чтобы отрицали Бога и т. п. Свидѣтельница Дарья Скворцова говоритъ, напримѣръ: «Бога-то они на небесахъ признавали, только личность его не признавали», то есть относились безразлично къ нѣкоторымъ обрядамъ церкви, къ почитанію иконъ и т. п. Поэтому о религіи я ничего больше говорить не буду.

«Въ подрываніи государства я столь же мало виновата. Я, вообще, думаю, что усилія единичныхъ личностей подорвать государства не могутъ. Если государства разрушаются, то это происходитъ оттого, что они сами въ себѣ носятъ зародыши разрушенія. Такъ, напримѣръ, древнія государства исчезли съ лица земли, ибо они были основаны на рабствѣ, на такомъ базисѣ, который, какъ давно извѣстно, не способствуетъ развитію обществъ.

«Конечно, если какое-нибудь данное государство держитъ свой народъ въ политическомъ, экономическомъ и умственномъ рабствѣ, если оно массой неоплатныхъ податей, капиталистической эксплоатаціей рабочаго и другими ненормальными экономическими и политическими отношеніями доводитъ его до нищеты, болѣзней, преступленій,—то, конечно, говорю я, такое государ-

ство само ведетъ себя къ гибели, но въ этомъ ужъ не виноваты единичныя личности и группы, а, слѣдовательно, не за что ожесточенно преслѣдовать и наказывать ихъ. Въ противномъ случаѣ, то-есть, если государство находится въ совершенно благонадежномъ состояніи, усилія этихъ лицъ не могутъ грозить ему никакой опасностью; слѣдовательно, наказывать ихъ опять-таки не представляется надобности.

«Вотъ почему для меня совершенно непонятна логика обвинительной власти, говорящей, что, «конечно, опасности для государства тутъ никакой не можетъ быть», но что «опасность все-таки существуетъ!..»

«Мнѣ кажется, что рѣшеніе этой дилеммы можетъ быть только одно. Меня обвиняютъ въ возбужденіи къ бунту. Но къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ и не могла возбуждать, ибо полагала, что революція можетъ быть результатомъ цѣлаго ряда историческихъ условій, а не подстрекательства единичныхъ личностей. Рѣзня сама по себѣ для меня, конечно, совсѣмъ не желательна. Я вовсе не имѣю тѣхъ кровожадныхъ и свирѣпыхъ наклонностей, которыя всякое обвиненіе такъ охотно приписываетъ всѣмъ пропагандистамъ. Если бы тотъ идеальный общественный строй, о которомъ мы мечтаемъ, могъ быть осуществленъ безъ всякаго насильственнаго переворота, то, конечно, мы всѣ были бы рады этому отъ души. Я полагаю только, что насильственная революція при извѣстныхъ обстоятельствахъ есть неизбѣжное зло, которое должно исчезнуть рано или поздно, помимо даже всякихъ усилій отдѣльныхъ лицъ или группъ».

Тутъ Бардину остановилъ первоприсутствующій Петерсъ, замѣтивъ, что ея разсужденія не относятся къ дѣлу, послѣ чего Бардина утверждала-

ла, что она принадлежитъ къ разряду лицъ, извѣстныхъ между молодежью подъ именемъ «мирныхъ пропагандистовъ», задача которыхъ—внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливаго общественнаго строя, что, стремясь къ уничтоженію привилегій, они не думаютъ объ уничтоженіи личностей, принадлежащихъ къ этимъ классамъ, не думаютъ объ основаніи царства рабочаго сословія, которое, въ свою очередь, стало бы угнетать другія сословія.

«Да, мы, дѣйствительно, стремимся къ анархическому устройству общества,—говорила Бардина,—но дѣло въ томъ, что это слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ современная литература, вовсе не означаетъ безпорядка и произвола. Анархія, напротивъ, стремится водворить гармонію и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ...

Говорилъ также рабочій Алексѣевъ.

Послѣдній изъ подсудимыхъ, рѣчь котораго сохранилась, Аганов, былъ кратокъ:

«Я много думалъ о средствахъ улучшенія быта рабочихъ и, наконецъ, сдѣлался пропагандистомъ. Цѣль моей пропаганды заключалась въ томъ, чтобы подготовить рабочихъ къ соціальной революціи. Я отнюдь не раскаиваюсь въ своихъ поступкахъ».

Приговоръ особаго присутствія сената по дѣлу «50-ти» былъ слѣдующій: приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы: Цицiановъ, Алексѣевъ и Григорій Александровъ на десять лѣтъ; Бардина, Ольга Любатовичъ, Батюшкова, Ивановъ, Васильевъ, Бариновъ, Николаевъ и Егоровъ на девять лѣтъ; Здановичъ на 6 л. и 8 мѣс.; Владиміръ Александровъ, Вѣра Любатовичъ на 6 лѣтъ; Джабадари, Гамкрелидзе, Кардашевъ, Лилія Фигнеръ, Варвара Александрова и Александра

Хоржевская на 5 лѣтъ; Агаповъ, Бѣлявскій и Ковалевъ на 3 г. 4 м.; Чекандзе и Лукашевичъ лишены всѣхъ правъ состоянія и сосланы въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири; Злобинъ, Цвилиневъ и Е. Субботина—въ Иркутскую губ.; Георгіевскій и Овчинниковъ—въ Енисейскую; Млодецкій, Н. Субботина, Воронковъ и М. Субботина — въ Томскую; Нуромскій и Елена Медвѣдева—въ Тобольскую; Топоркова приговорена къ заключенію въ рабочемъ домѣ на 4 года, Гельфманъ на 2, Фетисовъ и П. Едуковъ—въ арестантскомъ отдѣленіи на 1 годъ и 3 мѣс., съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Остальные подсудимые отдѣлались, сравнительно, болѣе мягкимъ наказаніемъ и были приговорены къ заключенію: Н. Едуковъ въ рабочемъ домѣ на 3 мѣс., Сидорацкій въ смирительномъ домѣ на 6 недѣль, Георгіевская въ тюрьмѣ на 2 мѣс., Екатерина Гамкрелидзе въ тюрьмѣ на 3 недѣли, Кураковъ приговоренъ къ аресту на 3 недѣли, Введенская и Трубецкой на 2 недѣли.

Рождественскій, Островъ и Сбромирскій были оправданы.

Такимъ образомъ, изъ 50-ти подсудимыхъ 23 были приговорены въ общей сложности къ 161 году и 8 мѣс. каторжныхъ работъ, 11 къ ссылкѣ въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста, три оправданы и остальные приговорены, приблизительно, къ 12 годамъ заключенія въ различныхъ домахъ.

V.

Процессъ «193-хъ». — Первое засѣданіе. — Инцидентъ съ Мышкинымъ.—Обвинительный актъ.—Протестъ противъ дѣленія подсудимыхъ на группы.—Заявленіе защитниковъ.—Столкновеніе между Потѣхинымъ и Желеховскимъ.—Разборъ дѣла и рѣчь Мышкина.

Въ октябрѣ 1877 года, наконецъ, предстали передъ судомъ особаго присутствія сената и 193 пропагандиста. Этотъ процессъ-монстръ продолжался свыше трехъ мѣсяцевъ и закончился только 23-го января 1878 года. Въ составъ присутствія входили почти всѣ тѣ же лица, что и по дѣлу «50-ти»: К. К. Петерсъ (предсѣдательствующій), М. Н. Похвисневъ, К. К. Ренненкампфъ, баронъ Медемъ, Н. О. Тизенгаузенъ, Б. Н. Хвостовъ, черниговскій губернскій предводитель дворянства Н. И. Неплюевъ, вышневолоцкій уѣздный, П. И. Спозитъ-Тормасовъ, новгородскій городской голова Журавлевъ и волостной старшина. Обвинялъ товарищъ оберъ-прокурора Желеховскій и прокуроръ екатеринбургскаго окружнаго суда Шубинъ.

Засѣданія сената происходили въ зданіи окружнаго суда, залъ котораго съ трудомъ вмѣщалъ подсудимыхъ и ихъ защитниковъ. Подсудимыхъ пришлось размѣстить въ мѣстахъ для публики. Даже для стражи не оказалось мѣста въ залѣ, и ее пришлось распредѣлить по нѣсколько человѣкъ между стѣнами и мѣстами для подсуди-

мыхъ. Защита ходатайствовала первымъ дѣломъ о перенесеніи засѣданій въ другую, болѣе помѣстительную залу и о разрѣшеніи имѣть собственнаго стенографа. Первое ходатайство было отклонено, второе удовлетворено. Стенографъ присутствовалъ на дѣлѣ, и впослѣдствіи даже былъ изданъ первый томъ стенографическаго отчета по дѣлу «193-хъ», но, по распоряженію комитета министровъ, это изданіе было сожжено и не поступало никогда въ продажу.

Защита сдѣлала также заявленіе, что дѣло Лопатина, обвиняемаго въ покушеніи на устройство въ Москвѣ побѣга Волховскаго, подсудно окружному суду, но сенатъ отклонилъ и это ходатайство.

Разборъ дѣла начался обычнымъ разспросомъ подсудимыхъ объ имени, званіи и т. д. Сразу же не обошлось безъ инцидентовъ. Мышкинъ на вопросъ о званіи, отвѣтилъ:

— Лишенный правъ арестантъ.

— Это не званіе,—замѣтилъ Петерсъ.

— Я такъ числюсь по бумагамъ.

— Кто вашъ отецъ?

— Солдатъ.

— Ваше занятіе?

— Занимался печатаніемъ запрещенныхъ правительствомъ книгъ.

— Ваша религія?

— Крещенъ безъ моего вѣдома по обрядамъ православной церкви и, имѣя въ виду законъ, угрожающій за отпаденіе уголовнымъ преслѣдованіемъ, оффиціально числился въ этой же религіи.

— Гдѣ было ваше послѣднее мѣстожительство?

— Арестованъ въ сибирской тайгѣ.

Когда дошла очередь до Лопатина, то онъ сказалъ: «Такъ какъ заявленіе моего защитника о

неподсудности моего дѣла особому присутствію не было уважено, и я лишенъ возможности предстать на судъ общественной совѣсти, а, слѣдовательно, лишенъ всѣхъ гарантій справедливаго суда, и такъ какъ мнѣ даже не было разрѣшено высказаться по этому поводу, то я не считаю для себя возможнымъ принять какое-нибудь участіе въ судѣ особаго присутствія».

— Это не касается суда, — замѣтилъ Петерсъ; — значитъ, званіе, занятіе и мѣстожительство неизвѣстны.

Все время въ залѣ стоялъ непрерывный шумъ. Подсудимые преспокойно разговаривали другъ съ другомъ, не обращая вниманія на судъ. Послѣ прочтенія списка свидѣтелей Чудновскій заявилъ, что онъ не слышалъ, явился-ли такой-то свидѣтель. Петерсъ отвѣтилъ, что виноваты въ этомъ сами подсудимые, такъ какъ они все время разговариваютъ другъ съ другомъ.

Тутъ вскочилъ Чернявскій и объявилъ, что, такъ какъ судъ не уважилъ ходатайствъ защиты и, вслѣдствіе этого, остался судомъ закрытымъ, то подсудимые не относятся къ нему, какъ къ суду. Петерсъ попробовалъ остановить говорившаго, въ отвѣтъ на что раздались со всѣхъ сторонъ зала крики: «Слушайте, когда вамъ говорятъ!»

Петерсъ дослушалъ Чернявскаго, но затѣмъ приказалъ жандармамъ вывести его изъ зала. Тогда подсудимые вскочили съ мѣстъ съ крикомъ: «Всѣхъ уводите! Мы всѣ не признаемъ суда! Къ чорту судъ!», и толпою бросились къ выходу, который загородили жандармы. Петерсъ закричалъ: «Объявляю засѣданіе закрытымъ! Жандармы, очистите залъ».

Слѣдующее засѣданіе состоялось только черезъ день. Предсѣдатель обратился къ пропагандистамъ съ рѣчью, въ которой приглашалъ ихъ со-

хранять тишину и не нарушать шумомъ и демонстраціями порядка. Съ мѣста поднялся Мышкинъ, и между нимъ и Петерсомъ завязался слѣдующій діалогъ:

— Я принадлежу къ числу подсудимыхъ, которые въ концѣ прошлаго засѣданія участвовали въ только-что упомянутомъ вами безпорядкѣ. Хотя нашъ шумный неоформленный протестъ разразился неожиданно для меня, но я не раскаиваюсь по слѣдующей причинѣ. Обвинительный актъ полонъ клеветъ.

Петерсъ останавливаетъ Мышкина, замѣчая ему, что составленіе обвинительнаго акта не зависитъ отъ особаго присутствія и что документы, представляемые суду, имъ не составляются.

— Мы, главнымъ образомъ, — продолжаетъ Мышкинъ,—настаиваемъ на необходимости публичности и гласности. Правда, за судейскими мѣстами есть нѣсколько мѣстъ, и здѣсь, за двойнымъ рядомъ жандармовъ, примостились 3—4 субъекта, но неужели это хваленая публичность, дарованная суду на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ? Называть это публичностью, значитъ иронизировать, насмѣхаться надъ однимъ изъ основныхъ принциповъ новаго судопроизводства.

Тутъ Петерсъ возразилъ, что публичность суда гарантируется не присутствіемъ публики, а тѣмъ, что въ залѣ находится стенографъ «Правительственнаго Вѣстника» и обо всемъ, происходящемъ на судѣ, будетъ напечатанъ стенографическій отчетъ.

— По предыдущимъ примѣрамъ,—не унимался Мышкинъ,—мы знаемъ, что отчеты «Правительственнаго Вѣстника» представляютъ собою лишь второй экземпляръ обвинительнаго акта, а мы желаемъ, чтобы намъ была дана возможность выяснить наше дѣло передъ публикой и объясниться не передъ нѣсколькими чиновника-

ми, а передъ цѣлымъ обществомъ, отъ лица котораго во многихъ органахъ русской печати была выражена на это надежда.

— Подсудимый, довольно!

— Еще одно замѣчаніе! Мы глубоко убѣждены въ справедливости азбучной истины, что свѣта гласности боятся только люди съ нечистою совѣстью, старающіеся прикрыть свои грязныя, подлыя дѣлишки, совершаемыя келейнымъ образомъ. Зная это и искренне вѣря въ чистоту и правоту нашего дѣла, за которое мы уже не мало пострадали и еще довольно будемъ страдать, мы требуемъ полной публичности и гласности.

Когда Мышкинъ сѣлъ, поднялся съ мѣста Муравскій и сказалъ, что присоединяется къ заявленію Мышкина, послѣ чего встала большая часть обвиняемыхъ со словами: «И мы также!»

Затѣмъ началось чтеніе обвинительнаго акта, продолжавшагося два дня. Здѣсь нельзя не замѣтить, что, насколько обвинительный актъ по дѣлу «50-ти» изложенъ обстоятельно, толково, дѣловито, настолько актъ по дѣлу «193-хъ» представляетъ собою нѣчто въ высшей степени хаотическое, несвязное, составленъ безъ всякаго плана, послѣдовательности. Въ немъ нѣтъ ни слѣда группировки матеріала по какимъ-либо основаніямъ. Онъ состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ клочковъ, изложенныхъ въ такомъ порядкѣ, что, напримѣръ, обстоятельства, уличающія Ковалика или Войнаральскаго, изложены въ двадцати мѣстахъ документа. Это произведеніе прокурора Жихарева, положительно самый слабый памятникъ оффиціальной литературы этого рода.

Обвиненіе противъ «193-хъ» было формулировано въ томъ смыслѣ, что имъ приписывалось составленіе и участвованіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью, въ болѣе или ме-

нѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства. Войноральскій и Мышкинъ обвинялись, кромѣ того, въ составленіи, печатаніи и разсылкѣ сочиненій, явно возбуждавшихъ къ бунту. Почти всѣ подсудимые обвинялись также въ распространеніи сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту. Мышкинъ обвинялся въ покушеніи на убійство казаковъ на дорогѣ изъ Вилюйска въ Якутскъ, Лопатинъ въ содѣйствіи побѣгу Волховскаго, Эндауровъ въ преступленіи по должности, Ларіоновъ въ кражѣ и растратѣ, Емельяновъ и Щегловъ въ богохульствѣ, Субботина, Емельяновъ и Тарновскій въ произнесеніи дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора и Эдельштейнъ въ ввозѣ въ Имперію изъ-за границы революціонныхъ книгъ.

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта первоприсутствующій объявилъ, что въ распорядительномъ засѣданіи, состоявшемся 11-го октября, особое присутствіе, несмотря на тѣсную связь всѣхъ частей дѣла, нашло необходимымъ, въ виду физической невозможности производить судебное слѣдствіе во всемъ его объемѣ въ присутствіи всѣхъ обвиняемыхъ, раздѣлить ихъ на семнадцать группъ и произвести судебное слѣдствіе въ отношеніи каждой изъ семнадцати группъ отдѣльно. Кромѣ того, распорядительное засѣданіе рѣшило произвести при закрытыхъ дверяхъ судебное слѣдствіе въ отношеніи пяти лицъ, обвиняемыхъ въ оскорбленіи вѣры и Величества.

Подъ шумъ громкихъ криковъ протеста, раздававшихся изъ разныхъ концовъ зала, Мышкинъ заявилъ, что въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» помѣщается отчетъ въ крайне своеобразномъ видѣ, и все наиболѣе важное и существенное въ немъ пропускается. Такъ,

напримѣръ, по словамъ Мышкина, въ отчетѣ о засѣданіи 20-го октября подсудимые изображены въ очень непривлекательномъ видѣ. Выходитъ, какъ будто они выслушали въ благоговѣйномъ молчаніи нравоученіе предсѣдателя, въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ раздавались протесты и возраженія.

Петерсъ объявилъ, что полный стенографическій отчетъ по дѣлу будетъ напечатанъ впослѣдствіи и въ немъ никакихъ искаженій не будетъ.

Тутъ всталъ прис. пов. Утинъ и попросилъ слова по вопросу о раздѣленіи подсудимыхъ на группы. «Это постановленіе окончательно, и никакихъ заявленій о немъ не можетъ быть дѣлаемо!», объявилъ Петерсъ и, не обращая вниманія на Утина, просившаго занести этотъ отвѣтъ въ протоколъ, закрылъ засѣданіе. Одновременно, какъ констатируетъ оффиціальный отчетъ, на мѣсто, отведенное для защитниковъ, вошелъ строй казаковъ и оттѣснилъ ихъ отъ подсудимыхъ. Первоприсутствующій, объявляя засѣданіе закрытымъ, приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ очистить залъ, что и было исполнено.

Въ слѣдующемъ засѣданіи произошелъ новый скандалъ. Прис. пов. Александровъ, отъ имени всей защиты, предъявилъ письменное заявленіе, въ которомъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы каждому изъ подсудимыхъ, по мѣрѣ ихъ возвращенія въ залу засѣданія, сообщалось все, что происходило въ ихъ отсутствіи, чтобы опросъ свидѣтелей и чтеніе актовъ и бумагъ предварительнаго слѣдствія, выполненные въ группахъ предшествующихъ, были повторены сполна каждой изъ группъ послѣдующихъ и наоборотъ. Заканчивалось заявленіе слѣдующимъ образомъ:

«Представляя наше ходатайство, мы, по долгу нашего званія и совѣсти, считаемъ себя обязанными заявить, что только полное его удовле-

твореніе дастъ намъ возможность каждому, по мѣрѣ силъ, исполнить возложенную на насъ тяжелую обязанность въ той полнотѣ и съ той законной свободой, которыя такъ необходимы для правильнаго отправленія правосудія. Въ противномъ случаѣ, считая безчестнымъ покинуть нашъ постъ, пока есть какая-либо возможность держаться на цемъ, мы искренно заявляемъ, что исполнимъ изъ нашей задачи только то, что предоставитъ намъ исполнить усмотрѣніе особаго присутствія».

По прочтеніи вышеприведеннаго ходатайства всталъ товарищъ прокурора Желеховскій и заявилъ, что онъ съ глубокимъ прискорбіемъ выслушалъ защиту, такъ какъ въ ея дѣйствіяхъ видѣлъ предварительный сговоръ, желаніе какъ бы сдѣлать упрекъ особому присутствію и, вообще, взвести на него нареканія, желая затруднить и затянуть судебное слѣдствіе.

Противъ заявленій Желеховскаго протестовалъ Герардъ, сказавшій, что защита дѣйствуетъ въ законныхъ предѣлахъ и потому справедливо отстаиваетъ и будетъ отстаивать свои права. Прис. пов. Потѣхинъ просилъ слова Желеховскаго занести въ протоколъ, какъ оскорбительныя для защиты, такъ какъ онъ намѣренъ возбудить по поводу ихъ особое дѣло. Потѣхинъ просилъ предсѣдателя запретить прокурору такъ своевольно искажать слова защиты. Всѣ остальные защитники объявили, что присоединяются къ заявленію прис. пов. Потѣхина.

Особое присутствіе удалилось и послѣ продолжительнаго совѣщанія вынесло рѣшеніе, коимъ: ходатайство защитниковъ оставлено безъ послѣдствій, въ словахъ Желиховскаго не усмотрѣно ничего оскорбительнаго для защиты, слова же Потѣхина, какъ оскорбительныя для обвини-

тельной власти, было рѣшено занести въ протоколъ...

Вся вышеизложенная сцена происходила въ присутствіи первой группы обвиняемыхъ, куда вошли, по преимуществу, петербургскіе «чайковцы» въ количествѣ 17-ти человѣкъ. По исчерпаніи инцидента защитою, особое присутствіе приступило къ допросу обвиняемыхъ.

Первымъ былъ допрошенъ «предатель» Низовкинъ, изложившій весьма обстоятельно все, извѣстное ему по поводу дѣятельности «чайковцевъ». Второю допрашивалась Перовская. Какъ разсказываетъ Стегубъ, по возвращеніи въ тюрьму послѣ засѣданія сената, въ которомъ было рѣшено разбить подсудимыхъ на группы, состоялись сейчасъ же засѣданія «по клубамъ». Было рѣшено протестовать противъ суда, хотя къ постановленію присоединились далеко не всѣ. Поэтому Перовская отказалась давать какіе бы то ни было отвѣты и сказала, что не желаетъ участвовать въ судѣ.

Затѣмъ былъ допрошенъ Рабиновичъ. Онъ сказалъ:

— Я явился сюда только съ тою цѣлью, чтобы объявить, что всѣ данныя моего показанія— чистѣйшая ложь. Далъ я ихъ въ надеждѣ, что меня освободятъ. Я, дѣйствительно, занимался пропагандою и распространеніемъ запрещенныхъ книгъ, но я не признаю себя виновнымъ, такъ какъ это вовсе не есть вина. Я не желаю признавать такой судъ. Мои прежнія показанія и были потому таковы, что мы всѣ были разъединены. Теперь насъ опять хотятъ разъединить. Съ нами обращаются, какъ со стадомъ барановъ...

— Подсудимый, не забывайтесь! — перебилъ Петерсъ,—вы не имѣете права оскорблять судъ.

— Я не желаю никого оскорблять. Я хочу

только сказать, что не признаю такого суда и отказываюсь отъ защиты и отъ защитника.

Въ такомъ же смыслѣ сдѣлали заявленія Корнилова, Гауэнштейнъ и Рогачевъ, сказавшіе, что приведены насильно, такъ какъ иначе не пришли бы. Они просили увести ихъ изъ зала. Синегубъ по уполномочію петербургскихъ «чайковцевъ» заявилъ:

— Намъ никто не скажетъ, что у васъ нѣтъ заранѣе составленныхъ рѣшеній, какъ относительно хода судопроизводства, такъ и относительно самихъ приговоровъ. Мы не довѣряемъ суду, не признаемъ его и требуемъ оставить насъ въ нашихъ камерахъ, гдѣ мы по 3—4 года ждали съ такимъ нетерпѣніемъ хоть сколько-нибудь приличнаго суда...

— Если вы будете употреблять такія выраженія, то будете удалены изъ зала засѣданія,— перебилъ Синегуба Петерсъ.

— И не дождались...—пробовалъ продолжать подсудимый.

— Выведите его!—распорядился Петерсъ, но вдругъ остановилъ жандармовъ, выводившихъ Синегуба:—Желаете-ли вы отвѣчать на вопросъ о виновности?

— Не желаю!

Синегуба вывели, а вслѣдъ за нимъ Рабиновича и Рогачева, заявившихъ, что они присоединяются къ его словамъ. Такія же требованія предъявили и остальные подсудимые первой группы, и всѣхъ ихъ поочередно удалили изъ зала. Такимъ образомъ, свидѣтели первой группы допрашивались въ отсутствіи подсудимыхъ.

«Надо отдать справедливость суду, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Синегубъ, — что по его распоряженію всѣхъ протестантовъ послѣ того, какъ они заявили протестъ, въ судъ больше ужъ не таскали, но, пока разбиралось дѣло груп-

ны, каждый разъ передъ засѣданіемъ суда въ форточку камеры просовывалась голова надзирателя и раздавался вопросъ: «Въ судъ не пожалуете?» Встрѣтивъ отрицательный отвѣтъ, форточку захлопывали, и подсудимыхъ оставляли въ покоѣ. Въ ночь съ 11-го на 12-е ноября, часамъ къ двумъ, стали выводить насъ сонныхъ изъ камеръ. Коваликъ, Рогачевъ, Сажинъ, Волховскій, Максимовичъ и я были сведены внизъ и посажены въ одной комнатѣ.

«Мы недоумѣвали, что съ нами думаютъ сдѣлать? У многихъ являлась мысль, ужъ не задумали-ли жандармы вести насъ въ 3-е Отдѣленіе и тамъ драть за оскорбленіе, нанесенное сенату?»

Однако, все кончилось благополучно. Просто нѣсколько человѣкъ, показавшихся властямъ почему-то наиболѣе ярыми протестантами, перевели изъ дома предварительнаго заключенія въ Петропавловскую крѣпость.

Между тѣмъ, судебное слѣдствіе подвигалось, несмотря на отсутствіе обвиняемыхъ, систематически за малыми исключеніями заявлявшихъ протестъ противъ суда, послѣ чего ихъ удаляли.

VI.

Рѣчь прокурора и соображенія В. Д. Спасовича.—Приговоръ суда по дѣлу „193-хъ".—Отклоненіе прошенія о смягченіи участи приговоренныхъ.—Изъ воспоминаній кн. Мещерскаго.

О процессѣ «193-хъ» сохранилось, вообще, весьма мало документальныхъ извѣстій. Обѣщанный правительствомъ стенографическій отчетъ никогда не появился, составленный же и напечатанный на средства защитниковъ отчетъ о первой половинѣ дѣла по распоряженію комитета министровъ былъ преданъ сожженію. Обвинительный актъ, приговоръ, рѣчь Мышкина, нѣкоторыя свѣдѣнія о показаніяхъ свидѣтелей и рѣчь Спасовича—вотъ и все, что сохранилось отъ этого процесса-монстръ, продолжавшагося пять недѣль.

Изъ рѣчи Спасовича мы узнаемъ, что товарищъ обэръ-прокурора, выступившій обвинителемъ по этому дѣлу, считалъ главными виновниками не Мышкина, Рогачева, или Войноральскаго, но, какъ это ни странно, доктора Кадьяна и фактически никому неизвѣстнаго, не игравшаго почти никакой роли въ движеніи В. Н. Щепкина. По выраженію Спасовича, они получили исключительное, особенно возвышенное положеніе на самой вершинѣ пирамиды обвиненія.

«Я не знаю, какъ вы посмотрите на Кадьяна, --говорилъ Спасовичъ,--но, что касается до Щепкина, то я надѣюсь доказать, что онъ не заслуживаетъ этой чести, и что ему никакъ не подобаетъ

по его свойствамъ чинъ коповода революціонной партіи, въ который онъ возводится единственно только изъ банальныхъ и многимъ людямъ общихъ признаковъ. Въ этомъ страшномъ дѣлѣ совершеннолѣтіе имѣетъ рѣшающее значеніе: имѣлъ кто несчастіе быть совершеннолѣтнимъ, тотъ и коноводъ, не не достигъ 21-го года—такъ былъ увлеченъ и былъ безсознательно разрѣшающею превосходящіе пониманіе ея вопросы овечкою».

И такъ, Щепкинъ былъ произведенъ прокуратурою въ главные коноводы движенія на томъ только основаніи, что онъ былъ человѣкъ, хотя и очень молодой, но старше многихъ обвиняемыхъ по процессу «193-хъ» и, кромѣ того, занималъ извѣстное общественное положеніе: числился помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, состоялъ гласнымъ московскаго земства, кандидатомъ въ мировые судьи.

«Случалось-ли вамъ, гг. судьи,—говорилъ Спасовичъ.—бывать на диспутѣ, когда докторантъ поставилъ тезисъ, составляющій, очевидно, выводъ заключительный, но не потрудился объяснить, а тѣмъ болѣе доказать посылокъ вывода, или поставилъ общее понятіе, а не доказалъ, что налицо есть хоть одна сотня; сказалъ «яйцо», а не доказалъ, что есть скорлупа, желтокъ, бѣлокъ; сказалъ «человѣкъ», а не доказалъ, что въ данномъ тѣлѣ, принимаемомъ имъ за человѣка, были ноги, руки, животъ, голова».

Такъ говорилъ Спасовичъ, убѣдительно отвергая утвержденіе обвинительнаго акта о томъ, что пропагандисты 70-хъ годовъ составили одно сообщество, къ которому принадлежали всѣ 193 человѣка. Впрочемъ, это принялъ и самъ товарищъ оберъ-прокурора, указавшій въ своей рѣчи, что, хотя, подписывая обвинительный актъ, онъ считалъ, что всѣ подсудимые принадлежали къ одному сообществу, но теперь долженъ признать, что такого сообщества не было, и подсудимые со-

ставляли, по меньшей мѣрѣ, 17 группъ, не одну шайку, но 17 шаекъ. Самъ товарищъ оберъ-прокурора признался въ своей рѣчи, что былъ сдѣланъ промахъ, что одной организованной партіи никогда не существовало.

Воспользовавшись признаніемъ товарища оберъ-прокурора, Спасовичъ доказалъ, что и дѣленіе подсудимыхъ на 17 группъ, или шаекъ произвольно, что въ каждой группѣ были подсудимые, совершенно незнакомые между собою и «ничѣмъ», кромѣ сопоставленія ихъ на одной страницѣ обвинительнаго акта, несвязанные». Понимая все это, прокуратура, по слѣдамъ Спасовича, вмѣсто группъ выдвинула еще одинъ терминъ, «кружки».

«По всему обвинительному акту такъ и проходитъ это названіе «кружки»,—говорилъ Спасовичъ,—то, что такое кружокъ, какое опредѣленіе этого понятія, какіе признаки его, намъ не сказано, мало того, пущена въ ходъ мысль, что русскіе революціонеры ухитрились организоваться безъ организаціи и что общее понятіе, которое до сихъ поръ отъ сотворенія міра считается совокупностью извѣстныхъ признаковъ, по изобрѣтенію этихъ революціонеровъ должно было быть безъ всякихъ признаковъ. Оно равняется такому разсужденію: доселѣ думали, что люди должны быть безъ головъ; полагали, что люди должны думать силлогизмами, а теперь оказывается, что нѣтъ. Это изобрѣтеніе, если-бы оно было доказано, я бы назвалъ геніальнымъ, но оно не доказано, и посему, такъ какъ съ нами играютъ въ прятки, то мы должны сами, предаваясь работѣ намъ не свойственной, поставить вопросъ, что же такое? Я полагаю, что признаковъ кружка во всякомъ случаѣ два: число и связь. Здѣсь были приводимы примѣры геніальнаго пренебреженія даже числомъ до того, что являлись кружки, состоящіе изъ одного человѣка, напримѣръ, Воронцовъ, другой Робинзонъ Крузэ... Въ уголовномъ правѣ для кружк-

ка необходимо требуется, чтобы была единица плюсъ извѣстное число другихъ единицъ. Мы касаемся вопроса, который разрѣшается еще по старой логикѣ Аристотеля, именуемой соритъ, или куча: одно зерно есть-ли куча?—нѣтъ, два зерна—нѣтъ, и такъ дальше до тѣхъ поръ, пока не скажутъ,—да, это куча. Но тогда затрудненіе въ томъ, что отъ одного какого-нибудь зерна не-куча превращается въ кучу, слѣдовательно, вся сила якобы въ этомъ зернѣ. Не останавливаясь на этомъ старомъ схоластическомъ примѣрѣ умствованія, уже извѣстнаго древнимъ грекамъ, замѣчу, что едва-ли два человѣка могутъ составить кружокъ. Даже сенатъ высказался, что для понятія сообщества необходимо число не менѣе трехъ».

Этимъ путемъ Спасовичъ доказалъ логическую несостоятельность обвиненія по отношенію къ цѣлому ряду подсудимыхъ и, въ частности, по отношенію къ своему кліенту, который и оказался оправданнымъ. Этимъ и объясняется сравнительная снисходительность сенатскаго приговора по дѣлу «193-хъ». При недоказанности обвиненія въ сообществѣ сенатъ затруднялся налагать на обвиняемыхъ наказаніе.

Приговоръ по дѣлу «193-хъ» былъ объявленъ 23-го января 1877 года.

Мышкинъ, Войнаральскій, Коваликъ, Рогачевъ и Муравскій были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 10 лѣтъ, Синегубъ, Стаховскій, Добровольскій, Квятковскій, Ливановъ, Чарушинъ, Шишко, Зарубаевъ, Союзовъ и Чернявскій на девять, Низовкинъ на восемь, Рабиновичъ, Стопане и Остапкинъ на шесть, Емельяновъ на восемь, Макаревичъ, Сапинъ, Чудновскій и Брешковская на пять, Скворцовъ, Аверкіева и Сухинская на четыре года и Куприяновъ на 3 года 4 мѣсяца.

Лермонтовъ приговоренъ къ ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Сибири.

Волховскій, Сергѣй Жебуневъ, Ларіоновъ, Софія Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, Мейеръ, Говоруха-Отрокъ, Даниловъ, Клеопатра Главдзевичъ, Головинъ, Кувшинская, Лебедева, Мокіевскій-Зубокъ, Саблинъ, Тихомировъ, Фишеръ, Франжоли, Ярцевъ и Костюринъ — къ ссылкѣ въ Тобольскую губернію.

Кацъ, Орловъ, Гауэнштейнъ, Милоглазкинъ и Морозовъ были приговорены къ заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи на 1 годъ 3 мѣс., Барковъ, Божко-Божинскій и Трезвинскій—къ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ. Къ послѣднему наказанію приговорены также Горинович, Аргамоновъ, Городецкій, Главдзевичъ, Волховская, Грицепковъ, Дробышъ-Дробышевскій, Знаменскій, Корнилова, Ломоносовъ, Осиповъ, Снѣсивцевъ, Фаресовъ, Юргенсонъ и Лопатинъ.

Лукашевичъ и Иванова, изъ которыхъ первый былъ осужденъ по дѣлу «50-ти», а вторая по дѣлу о демонстраціи на Казанской площади, были приговорены по совокупности къ ссылкѣ: первый въ отдаленнѣйшія, вторая не въ столь отдаленныя мѣста Сибири. Такимъ образомъ, изъ 193-хъ подсудимыхъ было приговорено въ каторжныя работы всего только 28, причемъ сенатъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи наказанія всѣмъ имъ точно такъ же, какъ и всѣмъ остальнымъ подсудимымъ, приговореннымъ къ заключенію на разные сроки.

Приговоръ сената, судившаго пропагандистовъ, былъ доставленъ въ Петропавловскую крѣпость въ концѣ марта 1878 года. Какъ разсказываетъ Снегубъ, его защитникъ, В. Н. Герардъ, побывъ у него въ камерѣ, поздравилъ его съ избавленіемъ отъ каторги.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала!—замѣтилъ, смѣясь, Синегубъ, и его предчувствіе оказалось правильнымъ. Ходатайство сената не было уважено и послѣдовало лишь согласіе засчитать обвиненнымъ годы заключенія въ одиночныхъ камерахъ въ срокъ каторги.

«Говорили въ то время,—добавляетъ Синегубъ.—что мы были обязаны отклоненіемъ ходатайства суда шефу жандармовъ Мезенцову и министру юстиціи Палену, которые, возмутившись мягкостью приговора, представили свои соображенія на счетъ невозможности такого скандала».

Въ сравненіи съ приговоромъ по дѣлу «50-ти», приговоръ по дѣлу «193-хъ» оказался дѣйствительно милостивымъ: всего только третья часть подсудимыхъ пошла на каторгу или на поселеніе. Если, однако, принять во вниманіе, что всѣ 193 человѣка до суда отбыли по четыре года одиночнаго заключенія, то придется признать, что снисходительность была здѣсь въ достаточной мѣрѣ мотивирована.

По словамъ записокъ кн. Мещерскаго, приговоръ по дѣлу «193-хъ» имѣлъ растлѣвающее дѣйствіе и послужилъ лозунгомъ, такъ сказать, для перехода анархическаго движенія умовъ изъ хроническаго въ острое.

«Онъ послужилъ доказательствомъ, съ одной стороны, слабости уголовнаго правосудія, а, съ другой стороны, зловѣщимъ признакомъ той террористической силы, которую имѣла тогда крамола. Сущность приговора надъ 193-мя обвиняемыми и уличенными анархистами заключалась въ томъ, что сенатъ не посмѣлъ обвинить такое значительное число лицъ въ государственныхъ преступленіяхъ и для большей части ихъ нашелъ предлоги, принявъ во вниманіе ихъ долгое заключеніе во время слѣдствія, длившагося три

года, зачислить въ наказаніе арестное время и затѣмъ. ихъ освободить. Насколько эти освобожденные, съ одной стороны, не заслуживаютъ этого проявленія къ нимъ милосердія Верховнаго судилища, а, съ другой стороны, насколько они оцѣнили этотъ актъ милосердія, доказалъ рядъ послѣдовавшихъ годовъ, въ теченіе которыхъ почти всѣ они, по освобожденіи отъ суда, вернулись къ анархическимъ своимъ кружкамъ и создали изъ себя ту среду, изъ которой выходили всѣ политическіе преступники до 1-го марта включительно... Не будь этого фальшиваго акта милосердія, вызваннаго ничѣмъ инымъ, какъ малодушіемъ и вліяніемъ на судей террористическаго либерализма, всѣ будущіе крамольники находились бы не на свободѣ, а на каторгѣ, и никогда не хватило бы ни матеріальной, ни нравственной силы вести эту упорную войну съ государственнымъ порядкомъ и этотъ рядъ покушеній съ 1873 по 1881 года».

ИСТОЧНИКИ.

С. Синегубъ. — «Воспоминанія «чайковца». («Былое», 1906 г, №№ 8—10).

В. Д. Спасовичъ.—«Дѣло о 50-ти подсудимыхъ». Сочиненія, т. VI.

Вл. Бурцевъ.—«За сто лѣтъ». Лондонъ, 1897 г.

Б. Базилевскій (В. Богучарскій).—«Процессъ 193-хъ».

Б. Базилевскій (В. Богучарскій). — «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.». («Историч. Библ.», № 6).

Клеменсъ.—
Кравчинскій (Степнякъ).—
Рогачевъ.

Кн 9С. (7С)

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
подъ редакціей
С. М. Проппера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

I.

Д. Клеменсъ. — Изъ воспоминаній о немъ кн. Кропоткина. — Изъ воспоминаній С. Кравчинскаго. — Бѣгство въ Москву. — Побѣгъ Тельсіева. — Клеменсъ за границей. — Возвращеніе въ Россію и ссылка.

Какъ мы видѣли изъ предыдущихъ очерковъ, въ теченіе 1874 г. почти всѣ дѣятели петербургскихъ и московскихъ кружковъ были переловлены и заключены въ тюрьму. Почти всѣ, но не всѣ. Кое-кто остался на свободѣ. Къ обозрѣнію дѣятельности этихъ лицъ мы и переходимъ.

«Большинство моихъ товарищей,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Кропоткинъ про годы, которые онъ провелъ въ качествѣ вольнослушателя въ Петербургскомъ университетѣ,—были хорошіе юноши, трудолюбивые, но они не интересовались ничѣмъ, кромѣ экзаменовъ. Я подружился только съ однимъ, Дмитріемъ К. (Клеменсомъ).

«Онъ былъ родомъ изъ южной Россіи и, хотя носилъ нѣмецкую фамилію, врядъ-ли говорилъ по-нѣмецки, а въ типичномъ его лицѣ не было ничего тевтонскаго. Онъ былъ очень развитой, начитанный человѣкъ и много думалъ. Онъ любилъ науку и глубоко уважалъ ее, но, подобно большинству изъ насъ, скоро пришелъ къ заключенію, что стать ученымъ—значитъ перейти въ станъ филистеровъ, тогда какъ впереди такое множество другой, не терпящей отлагательства

работы. Онъ посѣщалъ университетъ около двухъ лѣтъ, затѣмъ бросилъ его и весь отдался соціальной дѣятельности.

«Жилъ онъ, Богъ вѣсть какъ. Сомнѣваюсь даже, была-ли у него постоянная квартира. Иногда онъ приходилъ ко мнѣ и спрашивалъ: «Есть-ли у васъ бумага?» Забравъ запасъ ея, онъ примащивался гдѣ-нибудь у края стола и прилежно переводилъ часа два. То немногое, что онъ зарабатывалъ подобнымъ образомъ, съ избыткомъ покрывало его скромныя потребности, и, кончивъ работу, Клемепсъ плелся на другой конецъ города, чтобы повидаться съ товарищами или чтобы помочь нуждающемуся пріятелю. Онъ готовъ былъ исколесить весь Петербургъ цѣликомъ, чтобы выхлопотать пріемъ въ гимназію какого-нибудь мальчика, въ которомъ товарищи принимали участье. Онъ несомнѣнно былъ очень талантливъ. Въ Западной Европѣ гораздо менѣе одаренный человѣкъ, чѣмъ онъ, навѣрное, сталъ бы видпымъ политическимъ или соціалистическимъ вождемъ. Но мысль о главенствѣ никогда даже не приходила въ голову Клемепсу. Честолюбіе было ему совершенно чуждо; зато я не знаю такой общественной работы, которую Дмитрій считалъ бы слишкомъ мелкой».

Далѣе, изъ воспоминаній кн. Кропоткина мы узнаемъ, что въ кружокъ «чайковцевъ» ввелъ его, именно, Клемепсъ, изъ воспоминаній же Чайковскаго, что онъ принадлежалъ къ числу дѣятельныхъ членовъ его кружка, но самую полную біографію Клемепса, она же восторженный панегирикъ ему, мы находимъ въ «Подпольной Россіи» Степняка-Кравчинскаго. Склонный, вообще, къ идеализированію своихъ друзей, преувеличеніямъ, Кравчинскій, который, по справедливости можетъ быть названъ Гомеромъ русской революціи, такъ изображаетъ Клемепса:

«Онъ—человѣкъ простой, душа на-распашку, веселый собесѣдникъ и безподобный разсказчикъ. Его вольная, богатая рѣчь, пересыпанная образами и сравненіями, блещетъ всѣми сокровищами русскаго народнаго языка, которымъ онъ владѣетъ съ изумительнымъ крыловскимъ мастерствомъ.

«Онъ едва-ли не лучшій изъ нашихъ пропагандистовъ. Манера говорить и вести пропаганду у него своеобразная, совершенно неподражаемая. Это не страстная, вдохновенная проповѣдь Брешковской, не сократическій, неотразимый методъ Михаила Купріянова, геніальнаго юноши, умершаго въ тюрьмѣ 19 лѣтъ отъ роду. Клеменсъ ведетъ свою пропаганду въ шуткахъ. Онъ смѣется и заставляетъ хвататься за животы слушающихъ его мужиковъ, старыхъ и малыхъ, несмотря на всю ихъ обычную невозмутимость. Однако, онъ всегда ухитрится вложить въ свою шутку какую-нибудь серьезную мысль, которая такъ и засядетъ гвоздемъ имъ въ головы. Рѣдко кому удавалось вербовать столько приверженцевъ изъ среды крестьянъ и городскихъ рабочихъ.

«Рѣчи, которыя ему случалось произносить иногда въ какомъ-нибудь кабачкѣ, выходили настоящими перлами искусства. Помню, какъ, отправляясь, бывало, съ нимъ въ походъ по деревнямъ, я часто по цѣлымъ часамъ не рѣшался вмѣшаться и прервать неисчерпаемый потокъ его блестящихъ импровизацій и, забывъ про пропаганду, отдавался весь эстетическому наслажденію слушателя.

«Красавцемъ Клеменса никакъ нельзя назвать. Скорѣе наоборотъ. Но лицо его—одно изъ тѣхъ, на которыя достаточно взглянуть разъ, чтобы оно навсегда осталось въ памяти. Верхняя

его часть, съ широкимъ лбомъ философа, съ живыми карими глазами, мягкими и вдумчивыми, въ которыхъ вспыхиваютъ по временамъ искры сдержаннаго смѣха, изобличаетъ въ немъ европейца въ полномъ смыслѣ этого слова, но по нижней части лица его можно принять за калмыка, киргиза, башкира, за кого угодно, только не представителя кавказской расы».

Обвинительный актъ по дѣлу «193-хъ», самый полный сборникъ фактическихъ свѣдѣній о дѣятельности пропагандистовъ, упоминаетъ имя Клеменса довольно рѣдко. Оттуда мы узнаемъ, что лѣтомъ 1873 г. Клеменсъ вмѣстѣ съ Кравчинскимъ поселился около Киновеи, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Ключки», въ квартирѣ рабочаго Орлова. Тамъ Кравчинскій читалъ рабочимъ лекціи по исторіи, «сводившіяся къ восхваленію Разина и Пугачева», и по политической экономіи. Одинъ изъ свидѣтелей утверждалъ, что слышалъ одну лекцію Клеменса, въ которой послѣдній доказывалъ, что «монахи—дармоѣды, и что Господь Богъ не можетъ обучить рабочихъ французскому языку, а онъ, Клеменсъ, можетъ».

Клеменсъ съ Кравчинскимъ возлагали большія надежды на Орлова, который скоро усвоилъ себѣ ихъ ученіе. Они хотѣли сдѣлать изъ него сельскаго учителя. Онъ бросилъ свое мѣсто на заводѣ и сталъ жить на средства, предоставленныя ему «чайковцами». Клеменсъ съ Кравчинскимъ возили его въ Финляндію къ Флеровскому-Барви и при его посредствѣ завели знакомства среди рабочихъ.

Они устроили въ Ключкахъ библіотеку, которой завѣдывалъ Орловъ, задержанный, впрочемъ, въ то же лѣто 1873 г. Онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ около 4-хъ лѣтъ, но былъ оправданъ сена-

томъ въ качествѣ одного изъ соучастниковъ процесса «193-хъ».

Вообще, какъ извѣстно, къ концу 1873 г. среди «чайковцевъ» были произведены многочисленные аресты. Были арестованы Перовская, Синегубъ и другіе. Пришлось оставить пропаганду среди рабочихъ за Нарвскою заставою. По свидѣтельству кн. Кропоткина, было основано новое поселеніе, еще дальше за городомъ, но и его скоро пришлось оставить. Среди рабочихъ шныряли жандармы и зорко слѣдили за ними. Тѣмъ не менѣе, кн. Кропоткинъ, Клеменсъ и Кравчинскій, одѣтые въ крестьянскіе полушубки, съ крестьянскими паспортами, продолжали посѣщать кварталы, кишѣвшіе жандармами и полиціею.

«Положеніе Дмитрія и Сергѣя было очень опасно, — пишетъ кн. Кропоткинъ. — полиція усиленно разыскивала ихъ, такъ какъ они получили широкую извѣстность въ рабочихъ кварталахъ. Бывали періоды, когда Дмитрію каждый день приходилось разыскивать квартиру, гдѣ онъ сравнительно спокойно могъ бы провести ночь.

— Могу-ли я переночевать у васъ?—спрашивалъ онъ, являясь къ товарищу въ десятомъ часу.

— Совсѣмъ невозможно. За моей квартирой въ послѣднее время сильно слѣдятъ. Лучше ступайте къ N.

— Да я только-что отъ него, онъ говоритъ, что его домъ окруженъ шпіонами.

— Ну, ступайте къ М. Онъ мой большой пріятель и внѣ подозрѣнія, но до него далеко. Возьмите извозчика. Вотъ деньги.

«Но изъ принципа Дмитрій денегъ не бралъ и плелся пѣшкомъ за почлегомъ въ противоположный конецъ города, а то оставался у това-

рища, къ которому ежеминутно могли нагрянуть съ обыскомъ».

Такъ проводили Клеменсъ съ Кравчинскимъ осень 1873 г., пока, наконецъ, въ январѣ 1874 г. товарищи не заставили ихъ уѣхать изъ Петербурга. Они отправились въ Москву, гдѣ, по свидѣтельству того же обвинительнаго акта по дѣлу «193-хъ», занялись организаціей кружковъ, но затѣмъ полиція теряетъ ихъ изъ виду, и имя Клеменса не упоминается болѣе ни разу въ обвинительномъ актѣ по дѣлу «193-хъ». Повидимому, онъ вскорѣ послѣ переѣзда въ Москву уѣхалъ за границу , какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ, которыя мы находимъ у Степняка-Кравчинскаго:

«Я помню, какъ увлекался онъ лекціями Гельмгольца, которыя посѣщалъ въ 1874 г., въ бытность свою въ Берлинѣ. Мнѣ стоило большихъ усилій отдѣлаться отъ его отчетовъ о нихъ, которыми онъ наполнялъ всѣ свои письма ко мнѣ въ Петербургъ».

Тутъ же повѣствуетъ Степнякъ:

«Несмотря на дѣятельное участіе въ движеніи и на всѣ превратности нелегальной жизни, Клеменсъ всегда держался на уровнѣ интеллектуальнаго прогресса Западной Европы, хотя питалъ особенную склонность къ экономическимъ наукамъ, но никогда не закапывался въ нихъ исключительно. Обладая жаждой знаній, онъ изучалъ все, не заботясь о томъ, сможетъ-ли онъ извлечь изъ этого непосредственную пользу или нѣтъ.

«Клеменсъ вовсе не человѣкъ партіи. Глубоко убѣжденный соціалистъ, онъ отдалъ народному дѣлу все, что могъ: и свои знанія, и свой свѣтлый, проницательный умъ, но онъ рѣшительно не годенъ для узкихъ рамокъ тайнаго общества.

Партія, къ которой онъ принадлежалъ, никогда не могла стать для него родиной, семьей, однимъ словомъ, всѣмъ. Онъ постоянно жилъ особнякомъ... Онъ любилъ весь міръ и не упускалъ ни одного случая принять участіе въ его жизни. Такъ, онъ писалъ не только для подпольной прессы, но гораздо больше для легальныхъ петербургскихъ журналовъ, въ которыхъ онъ сотрудничалъ подъ разными псевдонимами, и дѣлалъ это не только изъ желанія быть болѣе независимымъ и жить собственнымъ трудомъ, но потому, что нуждался въ болѣе обширной аудиторіи, чѣмъ та, которую могла доставить ему подпольная литература.

«Полный вѣры въ принципъ соціализма, вообще, онъ относился въ высшей степени скептически къ различнымъ средствамъ, на которыя революціонеры смотрѣли въ разное время, какъ на универсальныя панацеи. Этотъ скептицизмъ парализовалъ, конечно, его силу въ подпольной борьбѣ, гдѣ, вслѣдствіе незначительности поля дѣйствія, не можетъ быть особеннаго разнообразія въ средствахъ.

«И, дѣйствительно, какъ конспираторъ, Клеменсъ не имѣлъ, собственно, никакого значенія. Благодаря своей неотразимой личной обаятельности, онъ привлекалъ массу приверженцевъ соціалистической партіи изъ среды всѣхъ классовъ общества, особенно же изъ молодежи. Но самъ онъ «былъ совершенно неспособенъ вести привлеченныхъ имъ людей къ какой-либо опредѣленной цѣли: это уже приходилось дѣлать другимъ... У него не было ни той исключительности, ни той душевной черствости, вытекающихъ изъ страстной вѣры, которыя необходимы, когда приходится вести людей почти на вѣрную гибель.

Біографія Клеменса не изобилуетъ романиче-

скими приключеніями въ стилѣ Стефановича, Фроленко, Дебогорій-Мокріевича. Онъ уроженецъ одной изъ приволжскихъ губерній, гдѣ его отецъ былъ управляющимъ имѣніемъ. Клеменсъ отличался присутствіемъ духа, храбростью и никогда не терялъ самообладанія. По свидѣтельству Степняка, въ началѣ своей революціонной карьеры, скрываясь уже отъ полиціи, хотя и не перейдя еще на нелегальное положеніе, онъ отправился однажды къ прокурору хлопотать, чтобы ему отдали на поруки арестованнаго въ это время Сердюкова. Онъ говорилъ столь убѣдительно, что прокуроръ уже согласился исполнить его просьбу, и только какія-то новыя обстоятельства дѣла, выяснившіяся неожиданно, помѣшали Клеменсу осуществить его дерзкій планъ.

Большою дерзостью отличался и другой планъ Клеменса, приведенный имъ въ исполненіе. Въ Нечаевскомъ процессѣ былъ замѣшанъ и сосланъ за это административнымъ порядкомъ нѣкій Тельсіевъ. Клеменсъ почему-то рѣшилъ освободить его. Онъ отправился въ Петрозаводскъ, гдѣ находился Тельсіевъ, съ документами инженера, капитана Штурма, которому поручено будто бы произвести какія-то геологическія развѣдки въ Финляндіи. Онъ преспокойно явился къ губернатору и исправнику за полученіемъ какихъ-то ставокъ и обворожилъ всѣхъ. Онъ сталъ любимцемъ общества, его приглашали на обѣды и вечера, и когда бѣжалъ Тельсіевъ и одновременно съ нимъ оставилъ городъ инженеръ Штурмъ, никому не приходило и въ голову подозрѣвать послѣдняго въ устройствѣ побѣга ссыльнаго.

За границей Клеменсъ участвовалъ въ Герцеговинскомъ возстаніи, принималъ дѣятельное участіе въ журналѣ «Община», но въ 1879 году возвратился въ Россію, былъ арестованъ въ

Петербургѣ и сосланъ административнымъ порядковъ въ Сибирь.

Въ настоящее время онъ состоитъ директоромъ музея Императора Александра III. Обозрѣніе его чиновной карьеры не можетъ, конечно, служить предметомъ нашего очерка.

II.

С. Кравчинскій-Степнякъ. — Дѣтство и воспитаніе. — Изъ воспоминаній Любатовичъ.—Изъ воспоминаній кн. Кропоткина.—Кравчинскій въ Андрюшинѣ.—Арестъ и побѣгъ. — Шифръ Кравчинскаго. — Поѣздка за границу.—Участіе въ Герцеговинскомъ возстаніи.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Укрыватели: Таракановъ, Сѣровъ, Оттилія Горнъ.—Дворникъ русской революціи.

Другъ и пріятель Клемепса Кравчинскій-Степнякъ—уроженецъ юга, гдѣ его отецъ,полу-бѣлоруссъ, полу-украинецъ по происхожденію, занимался врачебною практикою на югѣ Россіи.

Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій родился 14 іюня 1852 года. Его юность протекла безъ особенныхъ событій. На десятомъ году онъ поступилъ въ военное училище, въ 1869 году былъ произведенъ въ артиллерійскіе офицеры, послѣ чего сталъ заниматься пропагандою, хотя встрѣчалъ въ военной средѣ мало сочувствія. Въ 1871 году онъ вышелъ въ отставку, примкнулъ къ кружку Чайковскаго, близко сошелся съ княземъ Кропоткинымъ, Клеменсомъ, Рогачевымъ и сталъ энергично заниматься пропагандою среди петербургскихъ рабочихъ.

Д. С. Любатовичъ, относящаяся къ Кравчинскому съ такою же восторженною любовью, какъ Кравчинскій къ Клеменсу, такъ описываетъ его:

«Онъ былъ красавецъ и уродъ: неправильныя, ломаныя линіи его смѣлаго, оригинальнаго лица

красили его своимъ уродствомъ. Мягкіе, коротко подстриженные, темнорусые волосы крупными волнами обрамляли его необычно большую голову и большой, прекрасный, открытый лобъ необыкновенной бѣлизны. Широкія, короткія, темныя брови были раздѣлены двумя глубокими вертикальными складками надъ переносьемъ, придававшимъ лицу видъ рѣшимости и энергіи. Крупный ротъ съ сочными, свѣжими губами порой раскрывался въ широкую, добрую улыбку, порой передергивался какой-то меланхолически-нервной гримасой. Каріе глаза его то загорались огнемъ, то смотрѣли съ какой-то разсѣянной задумчивостью: онъ словно уходилъ въ себя и ничего не видѣлъ вокругъ».

По словамъ кн. Кропоткина, Кравчинскій былъ общимъ любимцемъ кружка «чайковцевъ». Его называли «младенцемъ», такъ мало заботился онъ о своей безопасности. Полиція все время усиленно разыскивала его, но, несмотря на это, онъ не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности. Такъ, напримѣръ, опоздавъ на сходку и желая попасть туда поскорѣе, онъ, одѣтый мужикомъ, въ полушубкѣ, промчался бѣгомъ по серединѣ Литейной.

«Мы сблизились съ нимъ впервые,—разсказываетъ кн. Кропоткинъ,—по поводу книги Стенли: «Какъ я нашелъ Ливингстона». Разъ наша сходка затянулась до полуночи; когда мы уже собирались расходиться, вошла съ книгой одна изъ Корниловыхъ и спросила, кто изъ насъ возьмется перевести къ восьми часамъ утра шестнадцать страницъ англійскаго текста. Я взглянулъ на размѣръ страницъ и сказалъ, что, если кто-нибудь поможетъ мнѣ, работу можно сдѣлать за ночь. Вызвался Сергѣй, и къ четыремъ часамъ утра печатный листъ былъ переведенъ. Мы прочитали другъ другу наши переводы, причемъ

одинъ слѣдилъ по англійскому тексту. Затѣмъ мы опорожнили горшокъ каши, который оставили для насъ на столѣ, и вмѣстѣ вышли, чтобы возвратиться домой. Съ той ночи мы стали близкими друзьями».

Обвинительный актъ по дѣлу «193-хъ» содержитъ много данныхъ, касающихся дѣятельности Кравчинскаго. Онъ велъ пропаганду среди петербургскихъ рабочихъ, читалъ имъ лекціи вмѣстѣ съ Клеменсомъ и кн. Кропоткинымъ, подготовлялъ къ учительскому званію Орлова. Когда тверской дворянинъ Ярцевъ изъявилъ желаніе заняться пропагандою, то «чайковцы» командировали для обращенія его въ свою вѣру не кого иного, какъ Кравчинскаго. Онъ отправился къ Ярцеву въ Андрюшино, и, подъ его вліяніемъ, молодой помѣщикъ собирался устроить у себя въ имѣніи типографію.

Поѣздка Кравчинскаго въ Новоторжскій уѣздъ къ Ярцеву имѣла мѣсто лѣтомъ 1873 года. Въ ноябрѣ того же года онъ появился въ томъ же уѣздѣ въ сопровожденіи своего друга, Рогачева, тоже отставного офицера, и они стали ходить по деревнямъ въ качествѣ пильщиковъ. Оба друга отличались необычайной физической силой, и этотъ тяжелый трудъ даже понравился имъ. Крестьяне водили пропагандистовъ изъ избы въ избу и отказывались брать съ нихъ деньги за харчи. Кравчинскій, знавшій Евангеліе почти наизусть, толковалъ его мужикамъ и доказывалъ стихами изъ него, что слѣдуетъ начать бунтъ. Въ двѣ недѣли пропагандисты создали броженіе по деревнямъ. Молва про нихъ распространилась широко вокругъ. Крестьяне стали шептаться по амбарамъ про «ходоковъ» и начали громко говорить, что скоро землю отберутъ отъ господъ, которыхъ царь возьметъ на жалованье. Молодежь стала посмѣлѣе по отношенію къ полиціи и го-

ворила: «Подождите, скоро придетъ нашъ чередъ. Не будете вы, иродово племя, верховодить надъ нами!»

Въ концѣ ноября, какъ видно изъ обвинительнаго акта по дѣлу «193-хъ», по распоряженію волостного старшины, которому поведеніе ихъ казалось подозрительнымъ, Кравчинскій и Рогачевъ были задержаны и отправлены къ становому приставу.

Какъ разсказываетъ кн. Кропоткинъ, ихъ повели подъ конвоемъ нѣсколькихъ мужиковъ.

«По пути пришлось проходить деревцей, гдѣ былъ храмовой праздникъ.

— Кто такіе? Арестанты? Ладно! Валяй къ намъ, дяденьки!—говорили пировавшіе мужики.

«Арестантовъ и стражу задержали на цѣлый день, водя ихъ изъ избы въ избу и угощая брагой. Стражники не заставили себя упрашивать долго. Они пили и убѣждали арестантовъ тоже пить.

«Къ счастью, брага обходила кругомъ въ такомъ большомъ жбанѣ, что никто не могъ видѣть, сколько пьютъ арестованные, прикладываясь къ посудинѣ. Къ вечеру вся стража перепилась; такъ какъ она не хотѣла въ такомъ видѣ предстать передъ становымъ, то было рѣшено заночевать въ деревнѣ. Кравчинскій все время бесѣдовалъ съ крестьянами. Они слушали его и жалѣли, что такихъ хорошихъ людей ведутъ въ станъ. Когда всѣ укладывались спать, одинъ изъ молодыхъ конвойныхъ шепнулъ арестантамъ: «Ворота я притворю только, не запру на запоръ». Кравчинскій и Рогачевъ поняли намекъ. Когда всѣ заснули, они выбрались на улицу, пошли скорымъ шагомъ и къ пяти часамъ утра были уже въ верстахъ въ двадцати отъ деревни, на полустанкѣ».

Кравчинскій отправился въ Москву. Рогачевъ

въ Пензу. Еще до побѣга арестованные передали одному изъ крестьянъ письмо и попросили его сдать на почту. Крестьянинъ Клементьевъ исполнилъ эту просьбу, опустилъ письмо въ почтовый ящикъ, но позабылъ приклеить къ нему марку. Вслѣдствіе этого письмо было вскрыто на почтѣ и попало въ руки властей. Оно было написано на французскомъ языкѣ «и притомъ крайне безграмотно», добавляетъ обвинительный актъ, и было адресовано двоюродному брату Рогачева, Виктору Лѣхницкому. Арестованные писали:

«Мы не можемъ итти дальше, вслѣдствіе внезапной болѣзни. Скажите, что вы потеряли банковый билетъ Димитрія, а не послали его нѣкоему Ф. Покажите это письмо, какъ можно скорѣе, нашимъ друзьямъ. Скажите имъ, что надо послать Ф. или кого-нибудь изъ друзей за всѣмъ, что онъ послалъ Ф.» Лехницкій, конечно, былъ немедленно разысканъ. Онъ показалъ, что, по просьбѣ Рогачева, послалъ ему кое-какія вещи въ Торжокъ, по адресу Фонтузогло. Въ виду этого, властями была вытребована изъ новоторжской почтовой конторы посылка на имя Фонтузогло, но въ ней ничего особенно обличающаго пропагандистовъ найдено не было. Тамъ оказались: двѣ красныя кумачевыя рубашки, двѣ пары нѣжняго бѣлья и указъ объ отставкѣ Рогачева».

У кн. Кропоткина находимъ еще одинъ случай изъ пропагандистской практики Кравчинскаго:

«Разъ идемъ мы съ товарищемъ по дорогѣ. Нагоняетъ насъ мужикъ на дровняхъ. Я сталъ толковать ему, что податей платить не слѣдуетъ, что чиновники грабятъ народъ и что по Писанію выходитъ, что надо бунтовать. Мужикъ стегнулъ коня, но и мы прибавили шагу. Онъ погналъ лошадь трусцой, но и мы побѣжали вслѣдъ, и все время я продолжалъ ему втолковывать на счетъ податей и бунта. Наконецъ, му-

жикъ пустилъ копя вскачь, но лошаденка была дряпная, такъ что мы не отставали отъ саней и пропагандировали крестьянина, покуда совсѣмъ перехватило дыханье».

Отзывающійся о С. Кравчинскомъ съ большою любовью кн. Кропоткинъ пишетъ, что онъ терпѣть не могъ шифрованныхъ писемъ, въ виду чего они примѣняли такой способъ переписки:

«Вы пишете самое обыкновенное письмо о разныхъ разностяхъ, но въ немъ слѣдуетъ читать только нѣкоторыя слова, напримѣръ, пятое. Такъ, вы пишете: «Прости, что пишу второпяхъ. Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ. Завтра утромъ я долженъ поѣхать къ сестрѣ Лизѣ. Моему брату, Николаю, стало хуже. Теперь уже поздно сдѣлать операцію». Читая каждое пятое слово получается: «Приходи завтра къ Николаю, поздно».

«Приходилось писать письма на шести-семи страницахъ, чтобы передать одну страницу сообщеній. Нужно было, кромѣ того, изощрять воображеніе, чтобы выдумать письмо, въ которое можно было бы втиснуть все необходимое. Сергѣю, отъ котораго невозможно было добиться шифрованнаго письма, очень понравился этотъ способъ переписки. Онъ строчилъ мнѣ посланія, содержавшія цѣлыя повѣсти съ потрясающими эпизодами и драматической развязкой. Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что эти письма помогали ему развить беллетристическій талантъ. Если у кого есть дарованіе, то все содѣйствуетъ его развитію».

Кравчинскій послѣ тверскихъ похожденій оставался въ Москвѣ недолго и вскорѣ появился въ Петербургѣ, пока кружокъ прямо не заставилъ его скрыться оттуда.

Онъ опять поѣхалъ въ Москву, гдѣ вмѣстѣ съ Клемансомъ занялся организаціей тамошнихъ кружковъ. Его фамилія упоминается обвинитель-

нымъ актомъ по дѣлу «193-хъ» въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ мастерскую Войнаральскаго въ Бутыркахъ, и фигурируетъ вторымъ номеромъ въ «Спискѣ лицъ, привлеченныхъ къ дознаніямъ и еще не разысканнымъ», разосланномъ жандармскимъ управленіемъ въ концѣ 1874 года. О немъ тамъ помѣщены слѣдующія свѣдѣнія:

«Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій. Отставной поручикъ артиллеріи. Роста высокаго, тѣлосложенія крѣпкаго, лѣтъ 26, брюнетъ, волосы курчавые, носитъ бороду и усы; черты лица весьма крупныя и выразительныя; лобъ большой, развитой; говоритъ высокимъ, нѣсколько пискливымъ теноромъ. Называетъ себя Сергѣемъ Михайловымъ; носитъ разное платье и имѣетъ фальшивые паспорта».

Систематическихъ свѣдѣній про жизнь и похожденія Степняка въ періодъ 1874—78 гг. не имѣется. Извѣстно, что въ 1875—1876 г. онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Клеменсомъ участвовалъ въ Герцеговинскомъ возстаніи, послѣ чего отправился въ Италію, гдѣ участвовалъ въ Беневентскомъ возстаніи, былъ арестованъ и просидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ.

Несмотря на бдительность полиціи, Кравчинскій большую часть періода съ 1874 по 1878 гг. все-таки провелъ въ Россіи и притомъ въ Петербургѣ на полегальномъ положеніи, принимая дѣятельное участіе въ революціонныхъ кружкахъ, возникшихъ вскорѣ послѣ разгрома «большого общества пропаганды», какъ называетъ Морозовъ движеніе начала 70-хъ годовъ. Онъ участвовалъ во многихъ изъ предпріятій, задуманныхъ революціонерами, въ образованіи «Земли и Воли», въ устройствѣ его типографіи, въ изданіи перваго номера «Земли и Воли» и т. д.

Кравчинскій не оставилъ послѣ себя автобіо-

графіи. но въ его извѣстныхъ очеркахъ, озаглавленныхъ «Подпольная Россія», много автобіографическаго матеріала, изъ котораго можно узнать, какъ ухитрялся онъ жить цѣлые годы, не смущаясь особенно преслѣдованіями полиціи, безпрестанно слѣдившей за нимъ.

«Я снова въ Петербургѣ,--пишетъ онъ въ очеркѣ «Укрыватели»,—время было трудное. Полиція преслѣдовала меня по пятамъ. Уже два раза мнѣ пришлось перемѣнить квартиру и паспортъ.

«Но я не могъ уѣхать куда-нибудь въ провинцію, такъ какъ у меня на рукахъ было дѣло, котораго некому было передать. Къ тому же мнѣ жаль было покинуть этотъ чудный городъ, съ его нервной, кипучей жизнью, подъ спокойною, холодною внѣшностью.

«Я надѣялся, что травля, которой періодически подвергается почти каждый нелегальный, постепенно прекратится, и что мнѣ можно будетъ переждать бурю, отсидѣться, не прибѣгая къ помощи «укрывателей».

«Это обширный классъ людей всевозможныхъ положеній, отъ аристократовъ и всякаго рода тузовъ до мелкихъ чиновниковъ, включая сюда и служащихъ въ полиціи, которые, сочувствуя революціоннымъ идеямъ, не принимаютъ по разнымъ причинамъ активнаго участья въ борьбѣ, но пользуются своимъ общественнымъ положеніемъ, чтобы скрывать у себя, въ случаѣ надобности, какъ опасныхъ людей, такъ и опасныя бумаги.

«Потребовалась бы цѣлая книга, чтобы описать подробно этотъ оригинальный въ своемъ родѣ міръ, довольно многочисленный и, пожалуй, гораздо болѣе пестрый, чѣмъ міръ настоящихъ революціонеровъ»...

Послѣ такого предисловія Степнякъ описываетъ нѣсколько петербургскихъ обывателей,

услугами которыхъ ему приходилось пользоваться во время его скитаній. Попутно, нѣсколькими штрихами, онъ пишетъ портретъ Александра Михайлова, «дворника» русской революціи. Послѣдній получилъ столь прозаическую кличку за то, что усердно наблюдалъ за исполненіемъ революціонерами всѣхъ правилъ предосторожности, предписанныхъ уставомъ «Земли и Воли», и предостерегалъ ея членовъ объ угрожавшей имъ опасности.

«Я сидѣлъ за утреннимъ чаемъ, — разсказываетъ Кравчинскій,—когда ко мнѣ въ комнату вошелъ «дворникъ».

— Что случилось? — спросилъ я, предлагая ему чашку чаю. Я зналъ прекрасно, что «дворникъ» не явился бы ко мнѣ безъ дѣла.

— За тобой сильно слѣдятъ,—отвѣтилъ онъ, —необходимо положить этому конецъ. Я пришелъ препроводить тебя въ безопасное мѣсто.

«Я такъ и думалъ, но, такъ какъ всякому хочется остаться по возможности дольше на свободѣ, я сдался не сразу и попросилъ у своего гостя объясненій.

«Прихлебывая чай, онъ сталъ излагать результаты своихъ наблюденій. Время отъ времени я задавалъ ему маленькіе вопросы, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о степени угрожавшей мнѣ опасности. Жизнь революціонера такъ переполнена ею, что, если обращать вниманіе на всякую мелочь, то ужъ лучше сразу покончить съ собою. Собственно говоря, ничего особеннаго не было и въ данномъ случаѣ. За мною, правда, слѣдили, но все еще могло обойтись благополучно, и, явись ко мнѣ, вмѣсто «дворника», кто-нибудь другой, я бы запротестовалъ и, вѣроятно, остался бы на своей квартирѣ еще нѣсколько времени. Но «дворникъ» шутить не любилъ, и, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ по-

пытокъ сопротивленія, я принужденъ былъ сдаться».

Далѣе, Кравчинскій разсказываетъ, какъ онъ съ другомъ приступилъ къ «очисткѣ» квартиры, то есть уничтожилъ все, чѣмъ такъ или иначе могли воспользоваться жандармы, какъ объявилъ хозяйкѣ, что отправляется на короткое время въ деревню, и какъ они пошли къ «укрывателю».

«Едва мы успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ я увидѣлъ у окна одного магазина двухъ молодцовъ, пристально разглядывавшихъ выставленные въ витринѣ товары. «Дворникъ» мотнулъ головой въ ихъ сторону:—«они»—молъ. Затѣмъ дернулъ впередъ подбородкомъ, что означало, что намъ не мѣшаетъ подбавить шагу.

«Началась гонка... «Дворникъ», какъ говорится, собаку съѣлъ по части всего, что относилось къ войнѣ съ полиціей и шпіонами. Въ этой области онъ обладалъ обширными свѣдѣніями, добытыми путемъ продолжительнаго и неутомимаго изученія. Нанявши разъ квартиру напротивъ дома начальника тайной полиціи, онъ долгое время посвящалъ цѣлые дни наблюденіямъ надъ всѣми входящими и выходящими и потому зналъ въ лицо изрядное количество петербургскихъ шпіоновъ. Онъ тщательно изучилъ ихъ ухватки и распредѣлилъ ихъ по характеру, манерѣ слѣдить, и могъ поразсказать обо всемъ этомъ не мало интереснаго. Шпіона онъ умѣлъ распознать съ перваго взгляда, часто по признакамъ, повидимому, совершенно неуловимымъ, напоминая собою Куперовскихъ краснокожихъ въ борьбѣ съ враждебнымъ племенемъ. Вдобавокъ, онъ зналъ Петербургъ, какъ свои пять пальцевъ, и помнилъ наперечетъ всѣ проходные дворы, которые въ теченіе нѣкотораго времени были предметомъ его спеціальнаго изученія».

Революціонеры пересѣкли нѣсколько проход-

ныхъ дворовъ, сдѣлали нѣсколько крюковъ, гдѣ на извозчикѣ, гдѣ пѣшкомъ, и въ концѣ-концовъ «замели слѣдъ», то есть окончательно отдѣлались отъ шпіоновъ, послѣ чего, съ массой всевозможныхъ предосторожностей, знаковъ и сигналовъ, они отправились къ «Буцефалу», иначе —коллежскому совѣтнику Тараканову, у котораго долженъ былъ найти пріютъ Кравчинскій.

По разсказу послѣдняго, Таракановъ былъ мужчина 35 лѣтъ, толстенькій и круглолицый, занимавшій видное мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но, такъ какъ при этомъ онъ былъ горячимъ поклонникомъ Чернышевскаго и зналъ лично многихъ революціонеровъ, то охотно бралъ на себя роль «укрывателя». Такъ какъ онъ былъ внѣ всякихъ подозрѣній въ склонности къ потрясенію основъ, то его квартира считалась однимъ изъ самыхъ надежныхъ пріютовъ.

Степнякъ изображаетъ въ нѣсколько карикатурномъ видѣ этого благодѣтеля революціонеровъ. По его словамъ, онъ былъ трусливъ, какъ заяцъ. Его и «Буцефаломъ» прозвали потому, что, подобно копю Александра Македонскаго, онъ боялся своей собственной тѣни. Онъ боялся рѣшительно всего: боялся подойти къ открытому окну, опасаясь сквозняка; не ѣздилъ на пароходѣ, боясь утонуть; не ѣлъ никогда рыбы, боясь подавиться; даже не женился, изъ страха измѣны...

Предоставивъ Кравчинскому у себя комнату, онъ предупредилъ его, что ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выходить изъ дому, такъ какъ днемъ онъ можетъ попасться на глаза дѣвицѣ, живущей въ первомъ этажѣ, цвѣточницѣ, или модисткѣ съ большими глазами, несомнѣнной шпіонкѣ; вечеромъ же швейцару, который, навѣрное, состоитъ на службѣ въ полиціи. Все, что могло понадобиться укрываемому, Тарака-

новъ обѣщалъ приносить ему лично. Для большей безопасности онъ разсчиталъ до появленія Кравчинскаго свою кухарку, никогда не возвращался со службы домой прямо и всегда дѣлалъ маленькій крюкъ, ночью же пугался всякаго шороха и буквально не спалъ, такъ что даже принималъ хлораль-гидратъ, чувствуя потребность заснуть хоть немного.

Отъ Таракапова Кравчинскій переѣхалъ въ квартиру другого «укрывателя», Сѣрова. Это былъ человѣкъ уже пожилой, почти совершенно сѣдой. Около 1861 г. онъ занималъ постъ военнаго врача въ Казани, былъ замѣшанъ въ военномъ заговорѣ Иваницкаго и Чернпка и оставался съ тѣхъ поръ навсегда на примѣтѣ у полиціи, которая почти ежегодно являлась къ нему съ обыскомъ. Разъ десять его арестовывали и сажали въ крѣпость, но арестъ всегда ограничивался нѣсколькими днями, такъ какъ Сѣровъ былъ травленный волкъ, и жандармамъ не удавалось никогда найти какихъ-либо уликъ противъ него.

Онъ не принималъ активнаго участія въ движеніи и не вѣрилъ въ успѣхъ революціи. Отъ пылкаго энтузіазма юныхъ лѣтъ Сѣровъ перешелъ къ скептицизму, но послѣдній не могъ вытравить изъ сердца Сѣрова горячей любви къ тѣмъ, кто остался въ рядахъ борцовъ. Онъ оказывалъ всякаго рода услуги революціонерамъ: организовалъ корреспонденцію, отыскивалъ мѣста для храненія запрещенныхъ изданій, собиралъ пожертвованія, подписки и мѣсячные взносы, но былъ незамѣнимъ въ трудной и важной роли «укрывателя». Онъ подвизался въ ней много лѣтъ и разъ даже устроилъ маленькую пирушку, чтобы отпраздновать десятилѣтній юбилей своего благополучнаго пристанодержательства.

Сѣровъ отличался особымъ талантомъ издали

чувствовать приближеніе жандармовъ и всякой опасности. Кравчинскій провелъ въ его квартирѣ около недѣли, но однажды хозяинъ, вернувшись домой къ обѣду, объявилъ: «что-то пахнетъ». Кравчинскій поспѣшилъ перекочевать въ другой притонъ, и, дѣйствительно, оказалось, что черезъ два-три дня у Сѣрова былъ произведенъ обыскъ, и жандармы, ничего не найдя, принуждены были убраться, какъ несолоно хлебавши.

Еще болѣе замѣчательнымъ типомъ являлась третья «укрывательница», Оттилія Густавовна Горнъ, датчанка по происхожденію, плохо говорившая по-русски. Еще молодою женщиною она перебралась съ мужемъ въ Ригу, гдѣ вскорѣ ея мужъ умеръ. Спустя нѣкоторое время она сочеталась законнымъ бракомъ съ русскимъ чиновникомъ и переѣхала съ нимъ въ Петербургъ, гдѣ ея мужъ получилъ какое-то мѣсто при полиціи.

Когда датская принцесса Дагмара сдѣлалась невѣстою наслѣдника-цесаревича, Горнъ задалась честолюбивою мечтою доставить своему мужу одну изъ многочисленныхъ должностей въ штатѣ цесаревны. Ссылаясь на какія-то заслуги своего перваго мужа при копенгагенскомъ дворѣ, она обратилась къ датскому посланнику съ просьбою похлопотать объ этомъ мѣстѣ. Посланникъ прямо посмѣялся надъ нею, и Горнъ воспылала злобой и ненавистью. Вскорѣ она воспылала безграничнымъ энтузіазмомъ къ нигилистамъ и стала ярой террористкой.

Она держала меблированныя комнаты, занимаемыя по преимуществу студентами, которые сначала подсмѣивались надъ политическимъ пыломъ семидесятилѣтней старухи, но смѣлость и находчивость, проявляемыя ею во время обысковъ у ея квартирантовъ, особая осторож-

ность при допросахъ заставили относиться къ ней серьезно. Она безстрашно уносила изъ-подъ самаго носа жандармовъ, разныя компрометирующія бумаги, письма, книги, хранила запрещенныя изданія, конспиративную переписку и сдѣлалась одною изъ первыхъ «укрывательницъ» нелегальнаго люда. Ея мужъ, полицейскій чиновникъ, былъ тоже совращенъ въ нигилизмъ и оказывалъ жепѣ посильную помощь своими связями

III.

Шефъ жандармовъ Мезенцевъ. — Его предшественники: гр. Шуваловъ и Потаповъ. — Изъ записокъ кн. Мещерскаго.—Убійство Мезенцева.—Изъ воспоминаній Кравчинскаго. — Шпіоны и сигналы революціонеровъ. — Вечеринка нигилистовъ.—Кравчинскій въ Женевѣ.—Исторія кинжала.—Литературные труды Степняка.—Смерть подъ колесами поѣзда.

---

4 августа 1878 г. Кравчинскимъ былъ совершенъ одинъ изъ самыхъ дерзкихъ террористическихъ актовъ, убійство шефа жандармовъ Мезенцева.

Оффиціальное описаніе этого случая гласитъ слѣдующее:

«Генералъ-адъютантъ Мезенцевъ былъ во главѣ дѣлъ внутренней политики, которыя всѣ сосредоточивались въ «Третьемъ Отдѣленіи». Учрежденіе это было основано почти одновременно съ корпусомъ жандармовъ и функціонировало уже полвѣка. Начальники этого отдѣленія, исполнявшіе обязанности шефа корпуса жандармовъ, выбирались изъ лицъ, отличенныхъ особымъ довѣріемъ императора. Они пользовались правомъ постоянныхъ сношеній съ Его Величествомъ, а что касается ихъ іерархическаго положенія и сферы ихъ власти, то полномочія ихъ были весьма обширны.

«Съ 1876 г. генералу Мезенцеву, главнымъ образомъ, было поручено дѣло борьбы съ дѣятельностью революціонной партіи. На немъ-то и ле-

жала эта тяжелая обязанность, онъ-то и заботился объ умиротвореніи страны и не жалѣлъ своихъ силъ въ надеждѣ достигнуть столь желаннаго результата—искорененія соціалистической партіи. Опытность, которую онъ пріобрѣлъ въ сферахъ этихъ дѣлъ, часто не разрѣшимыхъ, будучи начальникомъ штаба корпуса жандармовъ съ 1864 г. и помощникомъ командующаго съ 1874 г., доставила ему этотъ постъ высокой важности».

По словамъ кн. Мещерскаго, Мезенцевъ былъ «человѣкъ честный, умный, но скорѣе мягкій, чѣмъ строгій...» Впрочемъ, какъ указываетъ князь въ своихъ воспоминаніяхъ, только одинъ графъ Шуваловъ умѣлъ стоять на стражѣ порядка, и съ уходомъ его «обнаружилась неумѣренность правительственной политики отпора».

«Умная борьба, веденная графомъ Шуваловымъ, состоявшимъ, какъ извѣстно, во главѣ 3-го Отдѣленія съ 1866 по 1874 г., могла держать, по словамъ кн. Мещерскаго, «въ извѣстномъ респектѣ партіи политическихъ агитаторовъ, обуздывать смѣлость ихъ замысловъ и ихъ иниціативы. Въ теченіе 8 лѣтъ власти графа Шувалова не было ни одного покушенія на государя, всѣ знали, что машина заведена прочно».

Пріемникъ Шувалова Потаповъ, бывшій вилепскій генералъ-губернаторъ, былъ, по словамъ князя, «и не глупый, и добрый человѣкъ, и честный человѣкъ, но онъ, именно, былъ олицетвореніемъ всего мелочного, безъ всякой самостоятельности, безъ всякой иниціативы и съ безграничнымъ по размѣрамъ честолюбіемъ». При Потаповѣ, читаемъ далѣе, «3-е Отдѣленіе превратилось въ какое-то средоточіе множества мелочей, сплетень и интригановъ, благодаря которымъ всѣ кружки крамолы могли дружно объединиться, почувствовать себя сильнѣе и переходить къ той

системѣ террора, которая въ 1878 году явилась уже въ полномъ своемъ разгарѣ... Съ 1874 года вплоть до 1877 наступила эпоха ослабленія полицейскаго надзора, и присмирѣвшіе, было, кружки крамолы стали размножаться и обостряться... Пропаганда принимала все большіе размѣры и распространяла свои корни все глубже въ жизнь по многимъ причинамъ. Главнѣйшая изъ нихъ была на виду у всѣхъ, она заключалась въ неумѣлости правительственныхъ органовъ ей энергично противодѣйствовать и съ нею умно бороться».

Оффиціальный отчетъ такъ описываетъ самъ фактъ убійства шефа жандармовъ:

«Генералъ Мезенцевъ имѣлъ обыкновеніе ежедневно дѣлать утреннюю прогулку. 4-го августа, между 9 и 10 часами, въ сопровожденіи полковника Макарова, сдѣлавши короткую остановку у часовни на Невскомъ проспектѣ, онъ уже проходилъ площадь Михайловскаго дворца, чтобы вернуться домой, какъ вдругъ, на углу дома Кочкурова, какой-то молодой человѣкъ вышелъ изъ воротъ, бросился на него и вонзилъ ему въ животъ кинжалъ съ трехграннымъ клинкомъ. Послѣ этого преступникъ бросился бѣжать къ углу Большой Итальянской. Полковникъ Макаровъ побѣжалъ за нимъ и успѣлъ его догнать настолько, что имѣлъ возможность ударить его по плечу зонтикомъ, который держалъ въ рукѣ. Въ этотъ моментъ другой субъектъ бросился на полковника и выстрѣлилъ, но промахнулся. Оба злодѣя, соединившись на углу улицы, бросились сразу въ экипажъ, который ихъ ожидалъ, и ускакали во всю прыть. Пользуясь быстротою своей лошади, они проѣхали Итальянскую, Садовую, промчались мимо Публичной Библіотеки, Александринскаго театра, по Театральной улицѣ и Апраксину рынку. Тамъ они сошли съ экипажа и продолжали

путь пѣшкомъ, но отъ этого пункта опредѣлить ихъ дальнѣйшій путь было невозможно. Генералъ Мезенцевъ, окровавленный, имѣлъ еще силу доѣхать въ экипажѣ до своей квартиры, поддерживаемый полковникомъ Макаровымъ, но рана была настолько тяжела, что онъ умеръ въ тотъ же вечеръ.

«По показаніямъ многихъ свидѣтелей, анархистъ, нанесшій смертельный ударъ генералу, былъ средняго роста, въ очкахъ, въ свѣтломъ пальто и такого же цвѣта фуражкѣ. Исполнявшій обязанности кучера выглядѣлъ молодымъ человѣкомъ съ черными усами, въ длинномъ армякѣ темно-синяго цвѣта. Наконецъ, третій, выстрѣлившій въ полковника Макарова, былъ моложе преступника, средняго роста, нѣсколько худощавый. Лошадь, на которой ускакали злодѣи, былъ рѣзвый рысакъ черной масти; дрожки и вся сбруя—хорошаго вида».

Послѣ убійства Мезенцева Кравчинскій остался въ Петербургѣ. Въ «Подпольной Россіи» онъ такъ описываетъ свое времяпрепровожденіе, не упоминая, впрочемъ, ни словомъ, что убійство совершено имъ:

«Будучи первымъ фактомъ подобнаго рода, это событіе произвело очень сильное впечатлѣніе, какъ на общество, такъ и на правительство. Полиція перевернула весь городъ. Обыскамъ не было конца, и на улицахъ хватали людей по малѣйшему подозрѣнію. Ходили слухи, быть можетъ, преувеличенные, будто въ теченіе первыхъ двухъ дней было арестовано до тысячи человѣкъ.

«Нашему брату, «нелегальному», было опасно показаться на улицу, и потому я принужденъ былъ подвергнуть себя «карантину», одной изъ несноснѣйшихъ вещей, какія только приходится претерпѣвать русскому революціонеру. Поселившись у одного изъ нашихъ испытанныхъ друзей,

который занималъ положеніе, ставившее его внѣ всякихъ подозрѣній, я долженъ былъ все время сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, не показывая носа на улицу, даже по вечерамъ. Скука была смертная. Я писалъ одну маленькую вещицу, а когда писать становилось невмоготу, читалъ французскіе романы, чтобы хоть какъ-нибудь убить время».

Въ день похоронъ Мезенцева Кравчинскій, какъ видно изъ воспоминаній О. С. Любатовичъ, былъ на вечеринкѣ въ квартирѣ художницы Александры Малиновской, въ Измайловскомъ полку, близъ Забалканскаго проспекта. Малиновская, собственно, была въ это время на дачѣ, и въ ея комнатѣ жила Софья Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, у которой и собралось 15 человѣкъ революціонеровъ. Были Осинскій, Морозовъ, Александръ Михайловъ, по прозванію «дворникъ», Адріанъ Морозовъ, былъ и Кравчинскій. Любатовичъ утверждаетъ, что «въ этомъ, на видъ здоровомъ, могучемъ, порою почти шумно-веселомъ человѣкѣ при внимательномъ наблюденіи можно было подмѣтить симптоны пережитаго глубокаго нервнаго потрясенія, внѣшніе слѣды котораго лишь сглаживались силою сдержанности, но не исчезали вполнѣ».

Кравчинскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ про эту прогулку, утверждая, что онъ отправился на нее съ цѣлью познакомиться съ Осинскимъ:

«Въ сумерки я вышелъ изъ дому,—пишетъ онъ,—Улицы были пусты, такъ какъ мой пріятель жилъ на окраинѣ города. Тѣмъ не менѣе, нельзя было пренебрегать никакими предосторожностями, и потому я направился въ сторону, противоположную той, куда мнѣ нужно было идти. Покруживши не мало, я вышелъ, наконецъ, на одну изъ наиболѣе оживленныхъ улицъ

«Первое, что мнѣ тамъ бросилось въ глаза, были отряды казаковъ, вооруженныхъ пиками, и цѣлая стая шпіоновъ, попадавшихъ буквально на каждомъ шагу. Они то стояли на мѣстѣ, то прохаживались взадъ и впередъ. Узнать ихъ было чрезвычайно легко. «Временно исполняющіе» выглядѣли гораздо комичнѣе. Это были просто переодѣтые солдаты. Они прогуливались небольшими партіями и, какъ люди, привыкшіе къ строю, не могли ни стоять, ни ходить вразсыпную: пѣтъ, пѣтъ, да и выстроятся въ полувзводики. Одѣты они были очень забавно. Такъ какъ трудно было впопыхахъ добыть для нихъ различные костюмы, то цѣлые отряды были въ одинаковыхъ шапкахъ, одинаковыхъ пальто и брюкахъ. Иные понапяливали себѣ на носъ огромные, синіе очки, надѣясь, такимъ образомъ, придать себѣ видъ студентовъ.

«Вдосталь налюбовавшись ими, я направился къ конспиративной квартирѣ нашего кружка. Проходя по сосѣдней улицѣ, я поднялъ глаза, чтобы удостовѣриться, выставленъ-ли въ извѣстномъ окнѣ дамскій зонтикъ, знакъ, что все обстоитъ благополучно, такъ какъ при малѣйшей тревогѣ его должны были убрать. Зонтикъ оказался на мѣстѣ. Однако, зная, что жандармы прослышали объ употребленіи революціонерами сигналовъ, нерѣдко подвергали тщательному осмотру окна и послѣ ареста ставили все, что тамъ было, на прежнее мѣсто, я не удовлетворился этимъ и пошелъ дальше. Опять покружившись немного, я добрался до одного мѣстечка, гдѣ былъ увѣренъ найти точныя указанія, надъ которыми полиція не была властна, еслибъ даже и пронюхала про наши хитрости. Мѣсто, куда я вошелъ, было то, куда, по народному выраженію, самъ царь пѣшкомъ ходитъ. Тамъ, въ заранѣе условленномъ уголкѣ, долженъ былъ находиться едва

примѣтный значекъ, мѣнявшійся каждое утро, а въ особенно тревожное время и два раза въ день. Значекъ былъ на мѣстѣ и гласилъ, что опасности нѣтъ никакой. Всякое сомнѣніе у меня исчезло.

«Однако, такъ какъ «справочное бюро», какъ мы называли этотъ пунктъ, было въ верстѣ разстоянія отъ конспиративной квартиры, и, идя оттуда, можно было какъ разъ попасться на глаза шпіону, я рѣшилъ удостовѣриться по пути, что за мной не слѣдятъ. Навстрѣчу мнѣ шла незнакомая, очень красивая дама. Когда она поровнялась со мной, я сталъ пристально оглядывать ее, а. когда она прошла, повернулся и посмотрѣлъ ей вслѣдъ. За мной не было ни души.

«Въ это время я находился всего въ двухъ шагахъ отъ цѣли своего путешествія. Спокойно поднявшись по лѣстницѣ, я позвонилъ особеннымъ образомъ. Мнѣ отворили немедленно.

«Комната была полна народу. На простомъ деревянномъ столѣ стояло нѣсколько бутылокъ пива и двѣ тарелки: одна съ ветчиной, другая съ копченой рыбой. Это была одна изъ маленькихъ пирушекъ, которыя «нигилисты» позволяютъ себѣ изрѣдка въ видѣ отдыха отъ нервнаго напряженія, въ которомъ они принуждены жить постоянно... Я всегда очень любилъ эти «пирушки», веселѣе и оживленнѣе которыхъ трудно себѣ что-нибудь представить. Всѣ собравшіеся здѣсь люди—нелегальные, за которыми числилось немало всякихъ грѣховъ. Каждый имѣлъ на поясѣ кинжалъ и заряженный револьверъ и былъ готовъ, въ случаѣ внезапнаго нападенія, защищаться до послѣдней капли крови. Но, привыкши жить постоянно подъ Дамокловымъ мечемъ, они въ концѣ-концовъ перестали думать объ опасности. А, быть можетъ, эта опасность, именно, и

придавала ихъ веселью такой безшабашно-удалой характеръ.

«Всюду слышался смѣхъ, громкій говоръ, шутки. А по угламъ расположились пары, тихо бесѣдовавшія между собой: то были пріятели, предавшіеся душевнымъ изліяніямъ,—другая неизбѣжная принадлежность этихъ пирушекъ. Отъ времени до времени можно было видѣть традиціонную церемонію нѣмецкаго брудершафта. Эта потребность дать волю чувству, столь естественная среди людей, связанныхъ общностью стремленій, идей и опасностей тѣснѣе, чѣмъ узами крови, придавала этимъ рѣдкимъ собраніямъ необыкновенно поэтическій и задушевный характеръ».

Итакъ, на третій день послѣ убійства Кравчинскій былъ на пирушкѣ и занимался флиртомъ съ Любатовичъ...

Въ это время онъ также писалъ передовую статью для «Земли и Воли», въ которой, какъ говоритъ Любатовичъ, подчеркивая превращеніе идеалиста-народника въ террориста, онъ перваго сравнивалъ съ барашкомъ, мирно пасущимся на лугу. Это сентиментальное сравненіе было имъ, впрочемъ, выброшено по совѣту Морозова и Любатовичъ.

Вскорѣ послѣ выхода перваго номера «Земли и Воли» Кравчинскій оставилъ Россію.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Любатовичъ встрѣтилась съ нимъ уже въ Женевѣ. Онъ переводилъ съ испанскаго большой романъ извѣстнаго политическаго дѣятеля Кастелляра, расчитывая помѣстить его въ журналѣ «Дѣло», издатель котораго, Благосвѣтовъ, относился симпатично къ революціонерамъ. Какъ утверждаетъ Любатовичъ, онъ надѣялся этимъ путемъ получить сразу болѣе крупную сумму, въ нѣсколько сотъ рублей, и на эти деньги поступить подъ чужимъ

именемъ въ высшую военную Сенсирскую школу, въ которой воспитывался когда-то Наполеонъ, изучить военное дѣло и сдѣлаться вождемъ народнымъ.

Испанскій романъ, переведенный имъ при помощи Любатовичъ, напечатанъ не былъ. Кравчинскій перевелъ въ это время еще одинъ романъ, «Спартакъ», который и былъ напечатанъ въ «Дѣлѣ». Сначала К. жилъ въ одной комнатѣ, въ старомъ нагорномъ кварталѣ Женевы, съ узкими, темными средневѣковыми улицами. Тамъ часто навѣщала его Любатовичъ, помогавшая ему переводить романы. Въ февралѣ или мартѣ въ Женеву переѣхала и жена Кравчинскаго, Фанни Личкусъ.

Какъ разсказываетъ Любатовичъ, однажды Кравчинскій, разводя каминъ, сталъ раскалывать щепки для камина кинжаломъ, которымъ онъ убилъ Мезенцева. Это былъ итальянскій, четырехгранный клинокъ, длиною не болѣе 6 верш., съ цѣльной выкованной ручкой, покрытой тонкой пропаянной проволочной сѣтью. Хрупкая сталь отъ неловкаго удара по твердому, сучковатому дереву слабо хрустнула и упала къ ногамъ Кравчинскаго. Онъ былъ иногда очень суевѣренъ, и этотъ случай глубоко поразилъ его. Онъ долго стоялъ молчаливый и мрачный съ опущеннымъ взоромъ...

Жена Кравчинскаго все хворала, ей нужна была хорошая медицинская помощь, и онъ отправилъ ее въ Бернъ, самъ же прежде, чѣмъ ѣхать туда, провелъ мѣсяцъ въ горахъ въ Монтрэ, въ маленькомъ домикѣ, гдѣ поселились: Любатовичъ, Вѣра Засуличъ, Дейчъ и Стефановичъ, собиравшіеся ѣхать въ Россію а также Эпштейнъ.

Любатовичъ въ восторженныхъ краскахъ описываетъ этотъ мѣсяцъ, проведенный въ горахъ. Ихъ домикъ, въ двѣ небольшихъ комнаты, стоялъ одиноко, прилегая къ скалѣ. Впереди разстилалась зеленая поляна, а кругомъ, тѣсной стѣной,

возвышался могучій сосновый боръ. Былъ конецъ мая. Воздухъ былъ наполненъ весной, всѣ склоны горъ усѣяны цвѣтущими бѣлыми нарцисами, распространявшими упоительный ароматъ. Кругомъ полная, величественная красота природы, которая успокаивала душу...

По свидѣтельству Любатовичъ, къ Кравчинскому вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Женеву обращались агенты Бисмарка, предлагавшіе ему большія деньги на изданіе за границей русской революціонной газеты, но онъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе... Онъ предпочиталъ бѣдствовать и заниматься переводомъ своего испанскаго романа.

Въ Швейцаріи, какъ утверждаетъ также Любатовичъ, онъ производилъ все время опыты съ какимъ-то взрывчатымъ составомъ, матеріалы для котораго покупалъ на свои скудныя средства...

Въ 1880 г. Кравчинскій подъ именемъ «Степнякъ» сталъ писать романы и разсказы изъ своего революціоннаго прошлаго. Его «Революціонные профили» и «Очерки изъ жизни революціонеровъ», изданые въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Подпольная Россія», появились первоначально на итальянскомъ языкѣ и пользовались громаднымъ успѣхомъ во всей Европѣ.

Въ 1884 г. Степнякъ переѣхалъ въ Англію, гдѣ имъ были изданы: «Русское крестьянство», «Россія подъ властью царей», «Русская грозовая туча», «Карьера нигилиста», «Нигилизмъ, какъ онъ есть», «Король-бревно и король-аистъ» и др.

Кравчинскій погибъ трагическою смертью. Близорукій и разсѣянный, онъ былъ настигнутъ поѣздомъ, переѣзжающимъ Бедфордъ-паркъ, близъ котораго находилась его квартира, и былъ раздавленъ. Это событіе имѣло мѣсто 23 декабря 1895 г.

IV.

Рогачевъ.—Его «примѣты».—Женитьба.—Приключенія въ Тверской губ.—Рогачевъ въ Пензѣ.—Пензенскій кружокъ.—Саратовскій разгромъ.—Скитанія Рогачева и Войноральскаго.—Арестъ и судъ.—В. П. Рогачева.—Ея кіевскія похожденія.

Въ упомянутомъ нами «Спискѣ лицъ, привлеченныхъ къ дознаніямъ и еще не разысканныхъ», опубликованныхъ въ концѣ 1874 года, первое мѣсто занимаетъ другъ и товарищъ по скитаніямъ Кравчинскаго и Войноральскаго, Дмитрій Михайловичъ Рогачевъ. Его такъ описываетъ объявленіе о сыскѣ: «Отставной поручикъ артиллеріи. Роста высокаго, очень плотенъ; лицо продолговатое и вообще невыразительное; имѣетъ шрамъ, хорошо заросшій, на бородѣ или на щекѣ. Взглядъ тупой. Волосы на головѣ русые, бороды и усовъ не было. Шея очень жилистая. Лѣтъ 25—26. Обладаетъ громадной силой и рѣшительностью. Вращается преимущественно въ обществѣ семинаристовъ, гимназистовъ и гдѣ большое скопленіе рабочаго люда. Одѣвается то въ крестьянское, то въ обыкновенное платье. Называлъ себя Василіемъ Петровичемъ Орловымъ. Въ бытность свою письмоводителемъ у мирового судьи Пензенской губ., Городищенскаго уѣзда, Войноральскаго, онъ заготовилъ много паспортныхъ бланковъ съ печатями волостныхъ правленій того уѣзда. Имѣетъ свидѣтельство семинари-

ста Ивана Ареопагитскаго и воспитанника Введенской прогимназіи, чембарскаго мѣщанина, Николая Куликова. При задержаніи Рогачева необходимо принять предосторожности противъ его побѣга, въ виду его громадной силы».

Рогачевъ не числился членомъ ни одного изъ петербургскихъ кружковъ, но его имя упоминается на одной изъ первыхъ страницъ обвинительнаго акта по дѣлу «193-хъ, въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ еще въ 1872 г. квартиру Низовкина, на Выборгской сторонѣ, и читавшихъ лекціи рабочимъ». Въ своихъ разоблаченіяхъ Низовкинъ называетъ Рогачева однимъ изъ членовъ кружка «чайковцевъ», но это показаніе опровергается свидѣтельствами другихъ лицъ и въ томъ числѣ самого Чайковскаго. По показаніямъ Низовкина, Рогачевъ вмѣстѣ съ Кравчинскимъ еще въ 1872 г. разрабатывалъ стратегическіе планы для обладанія обѣими столицами и, прежде всего, петербургскими артиллерійскими казармами и крѣпостью.

Въ 1873 г. Рогачевъ, будучи уроженцемъ Орловской губ., вращался нѣкоторое время между орловскою молодежью и познакомился, между прочимъ, съ молодою нигилисткою Вѣрою Павловною Карповою. Чтобы освободить ее отъ власти родителей, онъ вступилъ съ нею въ фиктивный бракъ, послѣ чего каждый изъ супруговъ пошелъ своею дорогою.

Въ томъ же 1873 г. Рогачевъ поступилъ рабочимъ на Путиловскій заводъ и совершилъ вмѣстѣ съ Кравчинскимъ знаменитое путешествіе въ Тверскую губ., гдѣ оба были арестованы, но успѣли бѣжать. Рогачевъ очутился въ Пензѣ, откуда направился въ Городищенскій уѣздъ къ Войнаральскому, занимавшему еще должность мирового судьи, и поступилъ къ нему въ письмо-

водители, подъ видомъ тульскаго семинариста, Василія Петровича Орлова.

Проживая въ селѣ Нижнемъ-Тафтѣ, Рогачевъ,—по словамъ обвинительнаго акта по дѣлу «193-хъ»,—занимался пропагандою между крестьянами, въ средѣ которыхъ онъ распространялъ «Степьку Разина», «Исторію одного французскаго крестьянина», «Чтой-то братцы!» и т. д. «Не ограничиваясь пропагандою въ крестьянской средѣ, Рогачевъ, сверхъ того, поставилъ себѣ цѣлью развращеніе учащейся молодежи въ гор. Пензѣ. Посѣщая довольно часто означенный городъ, онъ уже съ февраля 1874 г. началъ вести агитацію между учениками мѣстныхъ учебныхъ заведеній».

Какъ видно изъ данныхъ, собранныхъ слѣдствіемъ по дѣлу «193-хъ», Рогачевъ, при посредствѣ дворянина Алексѣя Кулябко, познакомился съ гимназистами Сабелькинымъ и Кротоповымъ и съ семинаристомъ Добровымъ. При первомъ же знакомствѣ онъ завелъ съ ними разговоръ о необходимости литературныхъ вечеровъ и предложилъ имъ программу книгъ для чтенія на этихъ вечерахъ. Въ числѣ этихъ книгъ были сочиненія Флеровскаго, Лассаля, Овена, Фурье, Прудона и Чернышевскаго.

Рогачевъ велъ со своими молодыми друзьями разговоры о положеніи рабочаго класса въ Россіи, желчно отзывался о дворянахъ и купцахъ, говорилъ о томъ, что освобожденіе крестьянъ не принесло послѣднимъ никакой пользы.

Рогачевъ убѣждалъ Доброва идти въ народъ, а Сабелькина поступить сидѣльцемъ въ питейное заведеніе, но, когда послѣдній отказался отъ этой роли, онъ предложилъ ему составить кружокъ для литературныхъ чтеній. Добровъ, Кротовъ и Сабелькинъ усвоили себѣ революціонное

направленіе и занялись пропагандою среди гимназистовъ и семинаристовъ. Добровъ даже написалъ какую-то прокламацію, въ которой говорилось, что не слѣдуетъ учиться, а надо идти въ народъ.

Такимъ образомъ возникъ пензенскій революціонный кружокъ, учредителями котораго были извѣстный изъ біографіи Войноральскаго Эдуардъ Каменскій, Добровъ, Сабелькинъ, Кротоновъ, Ареопагитскій и Покровскій. Направленіе кружка ничѣмъ не отличалось отъ направленія другихъ кружковъ этого рода. Онъ придерживался идей Бакунина и считалъ его формулу объ уничтоженіи государства и о замѣнѣ такового федераціей вольныхъ общинъ единственнымъ способомъ улучшенія народнаго быта. Пензу навѣщали многіе агитаторы: Главдзевичъ, Судзиловская, Николай Жилинскій съ женою, Спѣсивцовъ и друг. Кружокъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Войноральскимъ. Обвинительнымъ актомъ по дѣлу «193-хъ» установлено, что кружокъ устраивалъ часто сходки для поддержанія среди учащейся молодежи внушеннаго имъ направленія, съ одной стороны, и для пріобрѣтенія новыхъ членовъ, съ другой.

Всего весною 1874 г. было устроено шесть сходокъ. На всѣхъ ихъ игралъ главную роль Рогачевъ; онъ или читалъ какую-либо статью, напримѣръ, изъ журнала «Впередъ», и комментировалъ прочитанное, или убѣждалъ своихъ слушателей въ необходимости революціи и совѣтовалъ имъ бросить ученіе и идти въ народъ подготовлять его къ возстанію. На сходкахъ присутствовали обыкновенно пріѣзжіе революціонеры. Заканчивались обыкновенно сходки пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ.

Когда Войноральскій закончилъ печатаніе своихъ книгъ въ типографіи Мышкина, то три

ящика съ напечатанными листами отправилъ къ Рогачеву въ Пензу для брошюровки. Повидимому, Рогачевъ не могъ исполнить этого порученія, такъ какъ у него не было надлежаще подготовленныхъ мастеровъ. Была созвана сходка, на которой было рѣшено отправить трехъ семинаристовъ и одного гимназиста изучать типографское дѣло. Гимназистъ Коршевъ былъ помѣщенъ въ мѣстную типографію Градковскаго, а Куликовъ —къ переплетчику Дорошину. Листы, присланные Войнаральскимъ, находились на храненіи у Жилинскихъ, которые и помѣстили своего воспитанника Куликова въ переплетную мастерскую, надѣясь со временемъ при его помощи сброшюровать книги.

Между тѣмъ, Войнаральскій звалъ Лавдзевичъ, съ которою онъ отправилъ въ Пензу отпечатанные листы сочиненій, и Рогачева въ Саратовъ, въ свою мастерскую, открытую тамъ. Рогачевъ возложилъ свои обязанности по пензенскому революціонному кружку на Сабелькина и собрался въ Саратовъ. Видъ на жительство дали ему Жилинскіе. Имъ оказалось свидѣтельство, выданное изъ петербургской Введенской прогимназіи на имя Николая Куликова. Лѣта въ свидѣтельствѣ были вытравлены и замѣнены лѣтами, подходящими къ возрасту Рогачева. Деньгами снабдилъ Рогачева и Лавдзевичъ Каменскій, и они вдвоемъ отправились въ Саратовъ въ знаменитую мастерскую Пелькопена.

Они пріѣхали въ Саратовъ въ концѣ мая, спустя же нѣсколько дней послѣдовалъ разгромъ мастерской. Всѣ обитатели ея, и въ томъ числѣ Лавдзевичъ, были арестованы. Только Рогачевъ съ Ковалликомъ успѣли выскочить въ окно безъ шапокъ и сапогъ и скрыться. Онъ явился на слѣдующій день къ Войнаральской и предложилъ ей

ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Самару, разыскивать ея мужа, но затѣмъ почему-то измѣнилъ рѣшеніе и поручилъ сопровождать Войноральскую Фаресову, самъ же отправился въ Тамбовъ съ 200 руб., полученными отъ Войноральской.

Вскорѣ затѣмъ всѣ пензенскіе революціонные дѣятели были задержаны. Послѣ арестованія Жилинскаго его жена сожгла печатные листы, бывшіе у нея на храненіи.

Рогачевъ встрѣтился съ Войноральскимъ и Паевскимъ, и они втроемъ, подъ фамиліями Вольскаго-Иванова, Иванова, мастера изъ Тулы, и просто Иванова, отправились въ Тамбовъ, гдѣ интересовались тамошними артелями, заводили знакомства съ молодежью и т. д. Вскорѣ были арестованы Паевскій и Войноральскій, но власти совершенно потеряли изъ виду Рогачева. Было извѣстно только, что онъ отправился внизъ по Волгѣ въ качествѣ бурлака.

Онъ оставался неразыскапнымъ до 14-го августа 1876 года, когда былъ задержанъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ Клеопатры Блавдзевичъ, освобожденной уже тогда изъ тюрьмы. У нея производился обыскъ по совершенно другому дѣлу, и Рогачевъ попалъ въ руки полиціи случайно.

Онъ называлъ себя сыномъ театрмейстера, Іваномъ Звонниковымъ. Видъ на жительство и аттестатъ, выданный послѣднему владѣльцемъ склада паровыхъ машинъ въ Пензѣ Шишко, оказались при Рогачевѣ, и онъ упорно продолжалъ утверждать, что его фамилія Звонниковъ. Только послѣ того, какъ Низовкинъ узналъ его и объявилъ его настоящую фамилію, Рогачевъ пересталъ отрицать свое участіе въ пропагандѣ. Онъ былъ однимъ изъ обвиняемыхъ по дѣлу «193-хъ» и былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Фиктивная жена Рогачева, Вѣра Павловна, играла нѣкоторую роль въ исторіи знаменитой «Кіевской коммуны». Будучи еще въ III классѣ Орловской гимназіи, она поставила себѣ цѣлью быть полезною народу и трудиться вмѣстѣ съ нимъ. Переѣхавъ въ Петербургъ, она стала заниматься собственнымъ своимъ развитіемъ, читая книги и вращаясь въ средѣ молодежи, разсужденія которой о равенствѣ и любви къ ближнимъ, а также о поднятіи умственно-нравственнаго уровня народа и необходимости революціи, произвели на нее глубокое впечатлѣніе.

Въ концѣ 1873 г. Рогачева была арестована по дѣлу о революціонной дѣятельности ея мужа. Освобожденная въ февралѣ 1874 г., Рогачева поступила, подъ именемъ Авдотьи Даниловой, въ работницы на прядильную фабрику Ламздорфа, на Охтѣ, гдѣ, впрочемъ, проработала недолго. Она принадлежала къ кружку Каблица и Чернышева, бывала у Лавдзевичъ, въ квартирѣ которой познакомилась съ Брешко-Брешковскою. Вмѣстѣ съ послѣднею, Каблицемъ, Нетельманомъ и Цвиневою Р. отправилась въ имѣніе «Горяны», Полоцкаго уѣзда, Витебской губерніи. Тамъ она, по ея собственнымъ словамъ, вела настолько удачную пропаганду, что ей... удалось довести одну дѣвушку до сознанія необходимости истребленія пановъ.

Вмѣстѣ со всею компаніею она переѣхала въ Кіевъ, гдѣ поселилась въ тамошней «коммунѣ». Р. ходила работать на монастырскіе огороды и въ деревню Хотово, причемъ брала съ собою «Сказку о четырехъ братьяхъ» и «Стеньку Разина». Осенью 1874 г. она возвратилась въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ была задержана. Во время обыска въ ея квартирѣ было найдено нѣсколько запрещенныхъ книгъ.

По приговору сената по дѣлу «193-хъ» Рогачева была оправдана.

V.

Ф. Л. Волховскій. — Первый арестъ. — Печаевское дѣло.—Херсонскій кружокъ.—А. А. Франжоли.—Изъ воспоминаній Лукашевича.—Братья Жебуневы и «сенъ-жебунисты». — Кіевскій съѣздъ «сенъ-жебунистовъ».—Учительствованіе въ Черниговской губерніи. — Мастерская Николая Жебунева.—Арестъ Волховскаго и Франжоли.—Желябовъ.—Арестъ Квятковскаго.—Мовша Сима и арестъ Чудновскаго.—Приговоръ надъ «сенъ-жебунистами».

Въ числѣ семнадцати «чайковцевъ», объединившихся во имя общихъ задачъ, къ концу 1876 г., занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ Феликсъ Вадимовичъ Волховскій, главный организаторъ одесскихъ кружковъ, къ исторіи которыхъ мы и переходимъ.

Феликсъ Волховскій родился въ Малороссіи въ 1846 году. Въ 1868 г., въ бытность студентомъ Московскаго университета, онъ испыталъ первыя гоненія со стороны полиціи. Онъ принималъ участіе въ подпискѣ на покупку дешевыхъ книгъ по исторіи и политической экономіи, предназначенныхъ для распространенія среди крестьянъ и рабочихъ. Это послужило поводомъ къ производству обыска въ квартирѣ Волховскаго. Хотя у него не было найдено ничего предосудительнаго, но его продержали въ заключеніи около семи мѣсяцевъ.

Волховскаго перевезли въ Петербургъ, гдѣ онъ

содержался сначала при Третьемъ Отдѣленіи», а затѣмъ, около мѣсяца, въ Петропавловской крѣпости. «Въ теченіе этихъ семи мѣсяцевъ,—вспоминаетъ Волховскій,—каждыя двѣ недѣли, а то и еженедѣльно, меня водили на допросъ, производимый въ присутствіи разныхъ генераловъ секретаремъ слѣдственной комиссіи. Допросъ состоялъ въ томъ, что мнѣ старались внушить, будто всѣ мои поступки извѣстны полиціи, а потому единственнымъ шансомъ на смягченіе наказанія для такого ужаснаго преступника является лишь чистосердечное признаніе. Если же вмѣсто отвѣта я спрашивалъ, въ чемъ меня обвиняютъ, секретарь говорилъ, что я знаю это не хуже его, и продолжалъ допросъ: знакомъ-ли я съ Л.? когда встрѣтилъ его въ первый и когда въ послѣдній разъ? съ кѣмъ онъ вмѣстѣ жилъ изъ товарищей? кто были его друзья? и т. д.

Послѣ выхода изъ заключенія Волховскій возвратился въ Москву и поступилъ на службу въ книжный магазинъ Черкезова въ качествѣ библіотекаря, но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ 16-го апрѣля 1869 г. онъ былъ арестованъ по распоряженію 3-го Отдѣленія. Въ магазинѣ Черкезова служилъ одинъ изъ главныхъ обвиняемыхъ по Нечаевскому дѣлу, Успенскій, существовали «серьезныя» улики, что Волховскій былъ знакомъ съ Нечаевымъ.

Обвиненіе противъ него было формулировано слѣдующимъ образомъ:

«Противъ дворянина Феликса Волховскаго, несмотря на совершенное отрицаніе его въ принятіи какого-либо участія въ революціонныхъ дѣйствіяхъ Нечаева, существуютъ, однако же, слѣдующія улики. По его собственному признанію, онъ во время студенческаго движенія въ Петербургѣ принялъ отъ пріѣхавшаго оттуда студен-

та Еништетслова рукописное изложеніе студенческой исторіи съ тѣмъ, чтобы распространить его. Волховскій при этомъ не объяснилъ, что побудило его взять на себя распространеніе этой рукописи, въ подлинникѣ не отыскапной и, можетъ быть, вполнѣ непреступнаго содержанія, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что онъ не чуждъ былъ студенческому движенію. Далѣе, въ бумагахъ его найдены двѣ рукописи: одна, заключающая въ себѣ программу революціонныхъ дѣйствій, другая, въ которой обсуждается характеръ политическихъ переворотовъ, вообще, и возможность такого переворота въ Россіи.

«Въ ней, между прочимъ, есть такого рода мѣсто: «Устройте такъ, чтобы силы эти были приблизительно одинаковы, чтобы противъ партіи дѣйствія очутился въ одинъ прекрасный день не дворецъ, опирающійся на войско, а только одинъ дворецъ, который самъ по себѣ слабъ. Мнѣ кажется, что при быстротѣ и смѣломъ образѣ дѣйствій хорошо организованной партіи вовсе не невозможно овладѣть этой вещицею.

«Каковы бы ни были объясненія Волховскаго насчетъ нахожденія у него этихъ бумагъ, но преступное содержаніе ихъ не могло не быть ему извѣстно, а между тѣмъ, храненіе ихъ у него, въ виду того обстоятельства, что онъ видѣлся съ Орловымъ и съ Нечаевымъ, хотя бы и подъ именемъ Павлова, въ Москвѣ, въ началѣ 1869 г., къ каковому времени, по его же собственному показанію и по показанію свидѣтельницы, переписывавшей первую рукопись съ оригинала, Надежды Успенской, и слѣдуетъ отнести появленіе этой революціонной программы, а затѣмъ вышеуказанная готовность его распространить изложеніе студенческой исторіи, въ которой онъ лично заинтересованъ не былъ,—все это заставляетъ подозрѣ-

вать его въ участіи въ тѣхъ же подготовительныхъ дѣйствіяхъ къ возбужденію народнаго возстанія, а, слѣдовательно, и къ ниспроверженію существующаго образа правленія, въ какихъ подозрѣвается и обвиняемый Орловъ».

Особымъ присутствіемъ петербургской судебной палаты, судившимъ «нечаевцевъ», Волховскій былъ оправданъ, но онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ съ 16-го апрѣля 1869 по 15-е іюля 1871 г., то есть два съ четвертью года.

Выпущенный изъ тюрьмы Волховскій въ началѣ 1872 г. вступилъ въ кружокъ «чайковцевъ». Вскорѣ послѣ этого онъ женился и переѣхалъ сначала на Кавказъ, а затѣмъ въ Одессу, гдѣ занималъ должность «губернскаго письмоводителя», какъ выражается Перрисъ. Тамъ онъ занимался пропагандою и одинъ изъ первыхъ «чайковцевъ», попавшихъ въ руки 3-го Отдѣленія, Любавскій, былъ завербованъ въ организацію Волховскимъ. По свидѣтельству Лукашевича, Волховскій отправился въ Херсонъ и организовалъ тамъ изъ гимназистовъ и молодежи кружокъ, изъ котораго вышли впослѣдствіи небезизвѣстные революціонеры: Лангансъ и Лукашевичъ. Почва для образованія кружка была подготовлена уже раньше Андреемъ Афанасьевичемъ Франжоли, студентомъ технологическаго института, высланнымъ изъ Петербурга за участіе въ какихъ-то студенческихъ безпорядкахъ. Такъ какъ онъ былъ уроженцемъ Херсона, то его и выслали туда подъ надзоръ полиціи.

Франжоли былъ, повидимому, однимъ изъ близкихъ друзей Волховскаго и дѣйствовалъ съ нимъ заодно. Ф. происходилъ изъ бѣдной семьи, ютившейся въ одной изъ жалкихъ квартирокъ Херсона. По недостатку средствъ Ф. долженъ былъ покинуть гимназію послѣ четвертаго класса и поступить въ аптекарскіе ученики. Спустя три

года онъ выдержалъ экзаменъ на аптекарскаго помощника, но, состоя на службѣ въ аптекѣ Мюллера, цѣлыя ночи проводилъ надъ книгами и, несмотря на всѣ препятствія, съумѣлъ подготовиться къ поступленію въ институтъ.

Франжоли поступилъ опять на службу въ аптеку и въ свободное отъ занятій время сталъ собирать у себя на квартирѣ по ночамъ гимназистовъ, читалъ съ ними Лассаля и Добролюбова и пользовался между ними большимъ авторитетомъ. Въ воспоминаніяхъ Лукашевича мы находимъ высоко характерный разсказъ о томъ, какъ Франжоли привлекъ его къ числу своихъ послѣдователей:

«Одинъ изъ товарищей, уже начинавшій читать Лассаля, зазвалъ меня на собраніе, гдѣ читались статьи Добролюбова о «Темномъ царствѣ» и о «лучѣ свѣта» въ немъ. Мнѣ, при тогдашнемъ моемъ полудѣтскомъ развитіи, эти прекрасныя статьи казались не особенно интересными и были мало доступны. Монотонное чтеніе вслухъ меня почти-что усыпляло, и я пересталъ ходить на «добролюбовскія» и «лассалевскія» сходки, иниціаторомъ и руководителемъ которыхъ былъ Франжоли. Но какъ-то разъ, на другой день послѣ такого собранія, на которомъ я не присутствовалъ, мы съ Андреемъ случайно встрѣтились въ саду... Вылитый изъ бронзы, огромный и суровый князь Тавриды, и попышѣ стоящій въ своей великолѣпной позѣ посреди херсонскаго городского сада, былъ свидѣтелемъ того, какъ неотразимъ бывалъ «призывъ» Андрея Франжоли... Онъ только взглянулъ на меня своимъ добрымъ и въ то же время открытымъ, мужественнымъ взглядомъ, едва лишь успѣлъ озабоченно спросить, отчего меня не было на чтеніи, какъ вдругъ мнѣ стало невыразимо стыдно того, что я такъ по-

зорно отлыниваю отъ хорошаго дѣла. Если бы въ заключеніе нашего короткаго разговора онъ и не коснулся невзначай своей апостольской рукой моего смиреннаго плеча, я все равно былъ уже пойманъ однимъ ого чарующимъ взглядомъ, однимъ звукомъ его милаго голоса».

Франжоли подготовилъ уже почву, когда въ Херсонъ пріѣхалъ Волховскій. Онъ привезъ туда первые экземпляры нелегальныхъ изданій, старый памфлетъ Лемене подъ заглавіемъ «Слово вѣрующаго народу», программу готовившагося тогда къ выходу журнала Лаврова «Впередъ».

Подъ вліяніемъ Волховскаго въ кружкѣ не разъ обсуждался вопросъ, оканчивать-ли курсъ въ учебномъ заведеніи, или идти «въ народъ». Маковѣевъ, Лангансъ, Лукашевичъ и Франжоли рѣшили, что ученіе—вещь, совершенно лишняя, и бросили гимназію. Всѣ четыре впослѣдствіи фигурировали въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу «193-хъ». Лукашевичъ переѣхалъ въ Петербургъ, его товарищи дѣйствовали на югѣ.

Волховскому удалось организовать въ Одессѣ многочисленный кружокъ, къ которому принадлежали, между прочимъ: Владиміръ и Сергѣй Жебуневы, Франжоли, Макаревичъ, Кацъ, Голиковъ, Глушковъ, Дическуло, Лангансъ, Викторъ Костюринъ, Желябовъ, Макавѣевъ и другіе.

Впрочемъ, въ Одессѣ существовалъ не одинъ, но два кружка, находившіеся въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ, а также и съ «кіевскою коммуною»: кружки Жебуневыхъ и Волховскаго. Выяснена болѣе или менѣе детально исторія кружка Жебуневыхъ. Дѣятельность кружка Волховскаго такъ и остается почти неизвѣстной.

Три брата Жебуневы: Николай, Владиміръ и Сергѣй, жена Николая, Зинаида Ивановна, и Марія Блинова, вышедшая впослѣдствіи замужъ за

Владиміра, осенью 1872 г. основали въ Женевѣ свой кружокъ «сенъ-жебунистовъ». Къ кружку примкнули: Петръ Макаревичъ, Анна Розенштейнъ, вышедшая впослѣдствіи замужъ, Кебіевъ, Квятковскій, помѣщикъ Георгій Трудницкій и другіе. «Сенъ-жебунисты», называемые другими русскими эмигрантами «сумасшедшимъ орденомъ сенъ-жебунистовъ», находили, что въ Россіи, странѣ, по преимуществу земледѣльческой, народное благо осуществимо единственно путемъ развитія сельскихъ общинъ. Поэтому они рѣшили содѣйствовать, съ одной стороны, улучшенію сельскаго хозяйства, съ другой, вносить въ народъ соціальныя идеи и поднимать его умственный уровень, подготовляя его къ борьбѣ съ буржуазіей.

Въ февралѣ 1873 г. «сенъ-жебунисты», за исключеніемъ Макаревича и Анны Розенштейнъ, вернувшихся въ Россію, отправились во Францію и занялись изученіемъ сельскаго хозяйства. Въ іюнѣ Георгій Трудницкій возвратился въ Россію и поселился въ своемъ имѣніи. Въ сентябрѣ къ нему пріѣхалъ Николай Жебуневъ и убѣдилъ его продать имѣніе и на вырученныя отъ продажи деньги купить отдѣльные небольшіе участки земли и завести на нихъ образцовое хозяйство.

Трудницкій продалъ имѣніе и въ сопровожденіи Николая Жебунева и чиновника екатеринославской контрольной палаты, Константина Иванова, изъѣздилъ Саратовскую и Самарскую губерніи въ поискахъ за подходящими земельными участками; но найти что-либо подходящее имъ все-таки не удалось, и Николай Жебуневъ уѣхалъ обратно за границу, а Трудницкій поселился въ Воронежѣ.

Въ ноябрѣ 1873 г. къ Трудницкому пріѣхали Сергѣй Жебуневъ и Кобіевъ и объявили ему, что

кружокъ радикально измѣнилъ свои убѣжденія, оставилъ совершенно идею мирнаго прогресса и пришелъ къ заключенію, что только посредствомъ революціи можно достигнуть какихъ-либо результатовъ. Для обсужденія программы дѣятельности въ томъ же ноябрѣ былъ устроенъ въ Кіевѣ съѣздъ, на которомъ присутствовали: Трудницкій, Сергѣй и Владиміръ Жебуневы, жена послѣдняго, урожденная Блинова, Кобіевъ и сельскіе учителя: австрійскій подданный Андрей Франжоли и мѣщанинъ Михаилъ Кацъ.

Владиміръ Жебуневъ сообщилъ Трудницкому, что онъ намѣренъ предложить на обсужденіе съѣзда вопросъ, не слѣдуетъ-ли кружку войти въ сношеніе съ разбойничьими и воровскими шайками, чтобы съ ихъ помощью добывать матеріальныя средства, нужныя на покупку и печатаніе запрещенныхъ книгъ.

Съѣздъ призналъ необходимымъ устройство революціи съ предоставленіемъ самому народу вопроса о переустройствѣ существующаго политическаго и соціальнаго строя, но не сомнѣвался, что результатомъ переворота явится федеральный союзъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга сельскихъ общинъ, не управляемыхъ никакими общими законами или представительными собраніями, то-есть анархія.

Лучшимъ способомъ веденія революціонной пропаганды была признана вербовка агитаторовъ изъ среды самого народа, причемъ была выработана слѣдующая программа дѣйствій:

а) группами разселиться по Россіи;

б) организація должна быть вполнѣ федеральная;

в) не составлять никакого общества, подобно «нечаевцамъ», не писать уставовъ, правилъ и программъ и т. п.;

г) войти въ сношеніе съ другими кружками революціонеровъ для передачи книгъ, брошюръ, прокламацій и для взаимной поддержки;

д) не вести между собою переписки о революціонномъ дѣлѣ;

е) не дѣйствовать на массу;

ж) если кто будетъ сельскимъ учителемъ, то не дѣйствовать въ школѣ и, вообще, гдѣ бы то ни было публично на массу, а быть по наружности вполнѣ благонамѣреннымъ;

з) въ отношеніи религіи, обрядовъ, приличій и пр. не нарушать существующихъ понятій;

и) о царѣ крестьянамъ ничего худого не говорить;

к) дѣйствовать путемъ разговоровъ съ отдѣльными личностями, находить въ селахъ людей протестующихъ и обращать ихъ въ революціонеровъ;

л) знакомить и соединять такія личности для того, чтобы въ случая возстанія поднялось разомъ много селъ и

м) въ городахъ дѣйствовать на артели, пропагандируя возстаніе подъ видомъ обученія грамотѣ.

Такимъ образомъ, программа «сынъ-жебунистовъ» мало отличалась отъ программъ другихъ бакунинскихъ кружковъ.

По окончаніи съѣзда Владиміръ и Сергѣй Жебуневы, Трудницкій и Кацъ поселились въ Конотопскомъ уѣздѣ. Владиміръ Жебуневъ получилъ мѣсто сельскаго учителя въ Дептовкѣ, Кацъ въ Комарахъ, но затѣмъ перешелъ въ село Великій Самборъ, его же мѣсто въ Комарахъ занялъ Трудницкій, помощникомъ котораго былъ назначенъ Сергѣй Жебуневъ. Франжоли тоже получилъ мѣсто учителя въ с. Фастовцахъ, Борзенскаго уѣзда, Черниговской губ., Николай Жебуневъ и Макаревичъ съ женами и Кобіевъ поселились въ Одессѣ.

Учительствовавшіе пропагандисты часто посѣщали другъ друга и, занимаясь пропагандою, старались дѣйствовать очень осторожно и казаться благонадежными, но понемногу распространяли революціонныя книги: «Исторія одного французскаго крестьянина», «О мученикѣ Николаѣ», «Чтой-то братцы!», «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ», говорили хлопцамъ, что всѣ должны быть равны, что надо идти на пановъ, побить ихъ и раздѣлить ихъ земли, что можно обойтись и безъ царя.

Распропагандированный «сенъ-жебунистами» крестьянинъ Сгорѣлецъ написалъ подъ ихъ руководствомъ: «Разсказъ о бывшихъ въ 1861 и 1868 г.г. возмущеніяхъ крестьянъ въ селѣ Комарахъ» и воззваніе подъ заглавіемъ «Птицы съ желѣзными посами», что должно было обозначать пановъ.

Однако, дѣятельность такого рода продолжалась недолго. Пропагандистовъ сталъ навѣщать Яковъ Стефановичъ и доказывать имъ, что необходимо дѣйствовать болѣе энергично. Онъ убѣждалъ ихъ прямо идти въ народъ, запастись фальшивыми крестьянскими паспортами и изучить какое-нибудь ремесло.

Подъ вліяніемъ такихъ разсужденій «сенъ-жебунисты» ликвидировали свое предпріятіе: сожгли бывшія у нихъ революціонныя книги и переписку и разъѣхались въ разныя стороны. Сергѣй Жебуневъ, Франжоли и Кацъ поѣхали въ Одессу, гдѣ уже находились, какъ упомянуто выше, Николай Жебуневъ и Макаревичъ съ женами и Кобіевъ. Пока другіе «сенъ-жебунисты» занимались учительствомъ, Николай Жебуневъ поступилъ въ слесарное заведеніе Рыхлицкаго, а затѣмъ открылъ собственную кузницу, которую 15 іюня 1874 г. перенесъ въ село Васильевку, въ 60 верстахъ отъ Одессы. Макаревичъ обучался

сапожному ремеслу, сначала одинъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Франжоли.

Конспиративную квартиру Макаревича и Франжоли, какъ выяснилось впослѣдствіи дознаніемъ, часто посѣщали: Волховскій, Голиковъ, братья Жебуневы, Глушковъ, Кацъ, Дическуло и Лангансъ, изъ которыхъ послѣдніе два вскорѣ уѣхали на пропаганду въ Екатеринославскую губ. На сходкахъ говорилось всегда объ одномъ только предметѣ: о мѣрахъ къ скорѣйшему возбужденію возстанія, обсуждался также вопросъ объ организаціи вооруженнаго сопротивленія на случай ареста.

Въ мастерской Николая Жебунева въ Васильевкѣ работали два настоящихъ кузнеца, Шрейдеръ и Крыжановскій, перешедшіе къ нему изъ заведенія Рыхлицкаго. Кромѣ того, тамъ работали Иванъ Павловъ, какой-то плотникъ, Павло, который, впрочемъ, скоро скрылся, укравъ 125 руб., и Александръ Косиоринъ, послѣдній въ качествѣ ученика. Николай Жебуневъ велъ себя весьма осторожно, но все-таки занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ и пропагандой. Въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Николаемъ Жебуневымъ находился Дическуло, устраивавшій весною 1874 г. рекогносцировочные походы къ крымскимъ татарамъ. Онъ возвратился изъ Крыма весьма довольный, такъ какъ въ Евпаторіи ему удалось устроить стачку рабочихъ на одномъ заводѣ, гдѣ работало свыше 1000 человѣкъ, и такъ какъ убѣдился, что крымскіе татары—народъ весьма пригодный для революціоннаго дѣла.

Дическуло вскорѣ опять ушелъ изъ Одессы. Ему удалось достать гдѣ-то 1000 руб., изъ которыхъ часть онъ далъ Николаю Жебуневу, а на остальныя деньги онъ открылъ мастерскую въ

селѣ Пепельнастомъ, Верхнедрѣповскаго уѣзда, Екатеринославской губ. У него работалъ и Лангансъ; къ Николаю Жебуневу пріѣзжали часто Сергѣй Жебуневъ, Глушковъ и Макаревичъ, доставлявшій въ кузницу революціонныя книги. Въ мастерской видѣли также пріѣхавшую изъ Одессы молодую дѣвушку, 16 лѣтъ, одѣвавшуюся въ крестьянское платье, по имени Елена. Она жаловалась, что отъ мужиковъ нельзя ожидать толку, такъ какъ «станешь имъ говорить про дѣло, а они лѣзутъ обниматься».

Сергѣй Жебуневъ, Кацъ и Глушковъ (братъ жены Николая Жебунева) жили въ Одессѣ на одной квартирѣ и занимались: первые два бондарнымъ, послѣдній столярнымъ ремесломъ.

Изъ пропагандистовъ, учительствовавшихъ въ Черниговской губ., Владиміръ Жебуневъ поѣхалъ въ Харьковъ и поступилъ тамъ рабочимъ къ сапожнику Пенщитевскому, имѣя въ виду открыть со-временемъ собственную сапожную мастерскую. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ арестованъ. Когда объ этомъ было получено извѣстіе въ Одессѣ, то Сергѣй Жебуневъ отправился немедленно въ Васильевку предупредить брата Николая. Тотъ немедленно ликвидировалъ свое предпріятіе: революціонныя книги сложилъ въ мѣшокъ и отправилъ въ Одессу, а самъ съ женою скрылся такъ хорошо, что его потеряли изъ виду не только жандармское управленіе, но даже Вл. Бурцевъ, который ни разу не упомянаетъ этой фамиліи въ своемъ знаменитомъ хронологическомъ указателѣ политическихъ и общественныхъ событій въ Россіи «За сто лѣтъ». По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, можно полагать, что Николай Жебуневъ съ женою уѣхалъ въ Англію и поселился тамъ.

Предупредивъ брата о грозившей ему опас-

ности, Сергѣй Жебуневъ рѣшилъ предупредить и Франжоли. Послѣдняго уже не было въ Одессѣ. Онъ уѣхалъ въ тѣ же Фастовцы, гдѣ состоялъ раньше учителемъ, въ качествѣ сапожника, предполагая заняться пропагандою. Жебуневъ съ Макаревичемъ отправили къ нему Костюрина, но, пока тотъ пріѣхалъ въ Фастовцы, Франжоли былъ уже арестованъ и заключенъ въ Конотопскую тюрьму. На обратномъ пути былъ арестованъ въ Кіевѣ и Костюринъ.

Послѣ ареста Франжоли на его имя пришло два слѣдующихъ письма:

«А наша тетушка Ефросинья Петровна такъ опасно заболѣла, что ее вчера отвезли въ Москву. Понимаешь-ли, чѣмъ это пахнетъ: перенесетъ-ли она такое путешествіе, мы же пока, слава Богу, здоровы, хотя погода здѣсь теперь стала что-то не совсѣмъ хорошая, да и не у насъ однихъ. Вонъ пишутъ, что и въ Крыму стала тоже плохая погода. Леонидъ и Колька недавно были у меня. Они здоровы, и у нихъ все хорошо, отправились на мѣсто, а нѣмецъ теперь у меня сидитъ и тебѣ поклонъ шлетъ. Отъ Витьки часто получаю письма. Онъ пока еще на правахъ больного. Отъ Сашки ни слова; я не понимаю, что бы это значило».

Второе письмо гласило:

«Извѣщали-ли васъ, что Ефросинья Петровна заболѣла и даже очень. Вчера мнѣ говорили, что будто ищутъ Ольгу Р., но, можетъ быть, это невѣрно... Леонидъ здравствуетъ... Самъ я пробуду въ Одессѣ мѣсяцъ, два»...

Слѣдствіемъ установлено, что оба письма написаны Макаревичемъ. Тетушка Ефросинія Петровна, о здоровьи которой столь безпокоятся, это —Феликсъ Волховскій, арестованный въ началѣ августа 1874 года въ Одессѣ и отправленный въ Москву; Леонидъ — Дическуло, нѣмецъ — Лан-

ганскъ, Колька—Костюринъ, Сашка—Александра Охременко, учительница въ Черноостровѣ и т. д.

Конечно, послѣ того, какъ вышеприведенныя письма были перехвачены, дошла очередь и до Макаревича. Онъ былъ арестованъ въ Одессѣ. Допрошенные въ качествѣ свидѣтелей сосѣди показали, что его квартиру часто посѣщали молодые люди, повидимому, образованные, но одѣтые мастеровыми. Обыкновенно собиралось человѣкъ пять-шесть, по раза три или четыре собиралось ихъ человѣкъ по пятнадцати. Они вели себя столь тихо, что одна свидѣтельница высказывала предположеніе, не занимаются-ли они выдѣлкою фальшивыхъ монетъ.

«Въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ квартиру Макаревича,—гласитъ обвинительный актъ по дѣлу «193-хъ»,—былъ нѣкто крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ, исключенный изъ Новороссійскаго университета за участіе въ безпорядкахъ 1872 г.»

Онъ тоже былъ арестованъ, причемъ уликою, компроментирующей его, оказалось шифрованное письмо, отправленное имъ въ Петербургъ женѣ Макаревича, Аннѣ:

«Въ дополненіе ко всему сказанному пріѣхавшими, пишу по просьбѣ Петра. Въ Цюрихѣ онъ былъ, Жебуневыхъ зналъ мало, бывалъ рѣдко, изъ-за границы мы возвратились вмѣстѣ. Петръ видѣлъ въ Одессѣ Жебуневыхъ раза два, Трудницкаго, который васъ видалъ, зналъ мало, Леонида Квятковскаго и Кобіева также мало, объ остальныхъ молчитъ. Пишите, что долженъ сказать о вашей поѣздкѣ въ Конотопъ? На случай вашего ареста, загодя, просите своихъ родителей взять васъ на поруки или внести залогъ; предстоитъ такое чудесное предпріятіе, что я и этому письму не хочу довѣрить, но для успѣха

нужны деньги. Я уже телеграфировалъ въ Кіевъ, не знаю, вышлютъ-ли. Если вы богаты, спѣшите сдѣлать переводъ ста рублей на контору Мааса въ Одессѣ».

Макаревичъ, находившаяся по какимъ-то дѣламъ въ Петербургѣ, не ожидая ареста, послѣдовала примѣру Николая Жебунева и скрылась безслѣдно.

О ней въ «Спискѣ лицъ, привлеченныхъ къ дознаніямъ и еще не разысканнымъ», составленномъ въ концѣ 1874 года, имѣлись слѣдующія свѣдѣнія:

«Макаревичъ Анна, урожденная Розенштейнъ, жена дворянина. Лѣтъ около 20; бѣлокурая, лицо чистое, бѣлое; средняго роста; недурна собой».

Жебуневы, мужъ и жена, тоже разыскивались по тому же списку, и о нихъ имѣлись тамъ слѣдующія данныя:

«Жебуневъ, Николай Александровичъ, дворянинъ Екатеринославской губерніи. Лѣтъ 27. Роста высокаго, стройный; волосы на головѣ и небольшой бородѣ темно-русые; лицо смуглое, чистое, продолговатое, худощавое; типъ цыганскій; одѣвается въ русское платье.

«Жебунева, Зинаида Ивановна. Жена Николая Жебунева, дочь мѣщанина Глушкова. Родомъ изъ Харькова. Молодая, бѣлокурая, небольшого роста, худощавая, немного сгорбленная, на видъ болѣзненная; лицо съ веснушками. Носитъ русское платье».

Леонидъ Дическуло и Вильгельмъ Лангансъ были задержаны въ селѣ Попельнастомъ, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, на границѣ Екатеринославской и Полтавской губерній. Они появились тамъ въ первыхъ числахъ іюня 1874 года. Лангансъ, называвшій себя одесскимъ мѣщаниномъ, Мартыномъ Петровымъ, открылъ бондарную мастерскую, для которой нанялъ мастера, крестья-

нина Ивана Лямина, назначивъ ему жалованье вдвое больше того, чѣмъ онъ получалъ у своего стараго хозяина. Лагансъ считался хозяиномъ мастерской, а Дическуло и Макавѣевъ учениками. Ремесла не зналъ никто изъ нихъ, работали они мало и небрежно, съ крестьянами они держали себя, какъ съ равными, разсказывали имъ про преимущества жизни въ Америкѣ.

Дическуло и Лангансъ были арестованы въ своей мастерской, гдѣ былъ произведенъ тщательный обыскъ, обнаружившій, какъ говоритъ обвинительный актъ по дѣлу «193-хъ», нѣсколько тенденціозныхъ книгъ и довольно значительное количество народныхъ разсказовъ, въ томъ числѣ: «Дѣдушка Егоръ» въ 22-хъ экземплярахъ, а также карты Екатеринославской, Херсонской, Полтавской и Подольской губерній.

Такимъ образомъ, къ осени 1874 года почти всѣ члены одесскихъ кружковъ были арестованы и заключены въ тюрьму. Благодаря сношеніямъ съ Жебуневыми попалъ также въ руки жандармовъ Тимофей Квятковскій, занимавшійся пропагандою въ Тульской губерніи. Квятковскій въ 1869 году состоялъ студентомъ Петербургскаго университета, гдѣ былъ знакомъ съ Клеменсомъ, затѣмъ поступилъ въ технологическій институтъ, а въ 1873 году отправился въ Цюрихъ, гдѣ сошелся близко съ Жебуневыми и не прекращалъ съ ними сношеній и по возвращеніи въ Петербургъ. Такъ, весною 1874 года, онъ навѣстилъ ихъ въ деревнѣ. По дорогѣ туда, въ вагонѣ желѣзной дороги, онъ разговорился съ какимъ-то рабочимъ и отъ него узналъ, что въ селѣ Хотушахъ, Тульскаго уѣзда, существуетъ артель слесарей, но дѣла ея идутъ очень плохо.

Такъ какъ Тимофей Квятковскій, вмѣстѣ со своимъ братомъ Александромъ, давно собирался осуществить на практикѣ ученія соціалистовъ

объ артеляхъ, то онъ и написалъ сейчасъ же своему брату въ Петербургъ письмо, въ которомъ предлагалъ воспользоваться представившимся случаемъ уѣхать въ Хотуши поддерживать артель. Александру Квятковскому очень понравилось это предложеніе, и въ началѣ мая 1874 года братья открыли въ Хотушахъ слесарную мастерскую.

Завѣдывалъ предпріятіемъ Тимофей Квятковскій. Кромѣ деревенскихъ рабочихъ, поступившихъ въ мастерскую, тамъ занимались: Александръ Квятковскій, бывшій студентъ медико-хирургической академіи, сынъ купца, Иннокентій Павловичъ Пьянковъ, помощникъ мѣстнаго учителя, сынъ священника, Дмитрій Павловичъ Соколовъ, и еще какой-то интеллигентъ, фамилія котораго такъ и осталась невыясненной, Александръ Антоновичъ. Хотя интеллигентные рабочіе старались по образу жизни, ничѣмъ не отличаться отъ простыхъ и ѣли вмѣстѣ съ ними, но слесаря называли ихъ «хозяевами.»

Работа въ мастерской производилась не на артельныхъ началахъ, но на основаніи задѣльной платы. Хозяева желали кормить рабочихъ скоромною пищею въ дни постовъ, говорили имъ, что молиться Богу не слѣдуетъ, и въ доказательство читали и толковали мѣста изъ Евангелія. Они говорили рабочимъ, что землю надо отобрать силою у помѣщиковъ, что всѣ должны быть равны между собою, что платить податей не нужно, что и царя не надо, но народъ долженъ выбирать государя каждые три года и смѣнять, если это окажется нужнымъ. Хозяева читали рабочимъ разныя книги, но изъ нихъ они запомнили по заглавію только «Сказку о четырехъ братьяхъ». Рабочіе подмѣтили также, что хозяева находятся съ кѣмъ-то въ перепискѣ и получаютъ письма, писанныя не буквами, а шифрами.

Дѣла въ мастерской шли плохо, и у хозяевъ замѣчался недостатокъ въ деньгахъ. Кончилось тѣмъ, что однажды Александръ Квятковскій и Пьянковъ уѣхали въ Хотуши. Спустя нѣкоторое время примѣру ихъ послѣдовали Тимофей Квятковскій и Соколовъ, и въ мастерской остался на правахъ хозяина одинъ только Александръ Антоновичъ. Однажды и онъ, напоивъ какъ-то всѣхъ рабочихъ пьяными, бѣжалъ изъ Хотушъ.

Тимофей Квятковскій былъ задержанъ и содержался въ Тулѣ подъ домашнимъ арестомъ, но бѣжалъ оттуда и былъ задержанъ вторично въ городѣ Ковнѣ, откуда съ подложнымъ паспортомъ собирался бѣжать за границу.

Соколовъ былъ задержанъ въ Вильнѣ подъ именемъ студента Кіевскаго университета Тарловскаго. Той же участи подверглись и другіе участники Хотушинской артели.

Противъ Макаревича удалось найти серьезныя улики слѣдующимъ образомъ:

Проскуровскій исправникъ задался цѣлью изслѣдовать, какими путями доставляются въ Россію нелегальныя заграничныя изданія. Въ этихъ видахъ онъ вошелъ въ соглашеніе съ старокопстантиновскимъ мѣщаниномъ Мовшею Шмулевичемъ Симою. Послѣдній отправился въ Подволочискъ, нашелъ какимъ-то образомъ нѣкоего Іосса Эллера, занимавшагося, дѣйствительно, отправкою запрещенныхъ книгъ въ Россію, и условился съ нимъ, что онъ доставитъ ему въ назначенное мѣсто пять тюковъ съ книгами, которыя онъ, въ свою очередь, обязался доставить въ Одессу нѣкоему Зейликовичу для передачи Ивану Ивановичу.

Эллеръ исполнилъ свое обѣщаніе, доставилъ пять тюковъ въ указанное мѣсто, гдѣ контрабандистовъ поджидалъ исправникъ съ полицейскими, но ему не удалось задержать никого, такъ

какъ лица, доставившія книги, сообразили вовремя, въ чемъ дѣло, бросили тюки и бѣжали. Въ тюкахъ оказалось: 523 экземпляра «Исторіи одного крестьянина», 490 экземпляровъ брошюры «О мученикѣ Николаѣ», 390 экземпляровъ брошюры «Чтой-то братцы!», 155 экземпляровъ «Вольнаго атамана Степана Тимофеевича Разина» и т. д. На одномъ тюкѣ былъ адресъ Кадайскаго, на другомъ Чудновскаго.

Послѣ такой неудачи Сима отправился въ Одессу къ Зейликовичу узнавать, кто такой Иванъ Ивановичъ, но ничего не узналъ, такъ какъ, дѣйствительно, Зейликовичъ не зналъ, кто такой это лицо, но онъ далъ Симѣ цѣнное указаніе. Онъ сказалъ ему, что Кадайскій—австрійскій желѣзнодорожный чиновникъ въ Подволочискѣ. Сима отправился туда и при помощи всякаго рода ухищреній узналъ отъ него адресъ нѣкоего Попича въ Одессѣ, который, по словамъ Кадайскаго, укажетъ ему Ивана Ивановича, тоесть, лицо, которое получитъ книги и уплатитъ за нихъ 250 рублей. Въ этихъ переговорахъ участвовалъ даже Эллеръ, котораго Сима съумѣлъ ловко обмануть.

Пріѣхавъ вторично въ Одессу, Сима отправился къ Попичу, но тотъ, несмотря на предъявленіе всѣхъ условленныхъ документовъ и знаковъ, увѣрялъ, что не знаетъ ничего по этому дѣлу. Однако, спустя нѣсколько дней къ Симѣ пришелъ какой-то человѣкъ съ большою черною бородою и спросилъ, не онъ-ли тотъ Эллеръ. Сима сказалъ, конечно, что да, и тогда незнакомецъ возразилъ, что онъ пришелъ къ нему за книгами. Послѣ долгихъ переговоровъ было условлено, что незнакомецъ явится къ Симѣ въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера, и что они отправятся въ квартиру одного еврея, на Молдованку, гдѣ не-

знакомецъ получитъ книги и уплатитъ за нихъ 230 рублей.

Въ условленный часъ незнакомецъ явился съ двумя товарищами, и они съ Симою на двухъ извозчикахъ отправились на Молдованку. Жандармы, наблюдавшіе издали за этою сценою, видѣли, что на одномъ извозчикѣ ѣхалъ Сима съ господиномъ съ черною бородою, на другомъ—хорошо имъ извѣстный Макаревичъ съ какимъ-то неизвѣстнымъ. Сима привезъ заказчика на Молодованку, въ квартиру унтеръ-офицера жандармовъ Семенова. Тамъ оказалось, что господинъ съ большою черною фальшивою бородою и есть Чудновскій, Соломонъ Лейзеровичъ, сынъ одесскаго купца, бывшій студентъ, сначала Новороссійскаго университета, затѣмъ медико-хирургической академіи, исключенный оттуда во время безпорядковъ.

Петръ Макаревичъ отрицалъ всякое участіе свое въ этомъ дѣлѣ, доказывалъ, что въ день ареста Чудновскаго онъ не выходилъ изъ дому, но это не спасло его. Онъ, какъ и Чудновскій, попалъ въ разрядъ самыхъ тяжелыхъ преступниковъ по дѣлу «193-хъ», и оба были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на пять лѣтъ. Самое тяжелое наказаніе, однако, выпало на долю Квятковскаго, присужденнаго къ девятилѣтней каторгѣ. Сергѣй Жебуневъ, Волховскій и Франжоли попали на житье въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, Кацъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 1 годъ и 3 мѣсяца.

Остальнымъ одесситамъ было зачтено въ наказаніе предварительное заключеніе, часть ихъ была оправдана.

ИСТОЧНИКИ.

Б. Базилевскій (В. Богучарскій). — «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.». Т. III.

Старикъ.—«Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу». «Былое», №№ 10—12.

С. Степнякъ.—«Подпольная Россія».

П. Кропоткинъ.—«Записки революціонера».

Вл. Дебогорій-Мокріевичъ.—«Воспоминанія».

С. Ф. Русова.—«Мартынъ Лангансъ». «Былое», № 5.

О. С. Любатовичъ.—«Далекое и недавнее». «Былое», №№ 5 и 6.

Д. Перрисъ.—«Піонеры русской революціи».

Н. А. Морозовъ.—«Андрей Франжолли». «Былое», № 15.

100 БЕЗПЛАТНО

100 ВЫПУСКОВЪ:

Исторической библіотеки 32
(болѣе 2000 стран.)
Вторая Государственная Дума (250 стран.) 4
Политической библіотеки (болѣе 1500 стран.) . . 24
Популярно-научной библіотеки (болѣе 2500 стр. 40

А также: ВЫПУСКОВЪ. 100

Иллюстрированные художественно-литературные журналы:

„НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“
и „ОГОНЕКЪ“,

получаютъ въ 1907 году подписчики издаваемой С. М. Проппероmъ 27-ой годъ

1 Руб. 25 коп. три мѣс. большой политической, общественной и литературной ежедневной газеты „БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“ ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ. 5 Руб. за годъ съ перес.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“.
С.-Петербургъ, Галерная, 40, собств. домъ.